

ГЛАВА IV

МОНАСТЫРИ

В предшествовавший, так называемый монгольский, период нашей церковной жизни, продолжавшийся два с лишком столетия, у нас возникло более 180 монастырей. Но как из этих монастырей до тридцати находились в Юго-Западной России, то, значит, что собственно в тех епархиях, которые вошли теперь в состав Московской митрополии, появилось тогда всего около 150 обителей¹. В настоящий же период, обнимающий менее даже полутора столетия, вновь основано в этой последней митрополии, как увидим, около трехсот монастырей. Следовательно, умножение их в Северо-Восточной России совершалось теперь не только не в меньшей, но даже гораздо в большей пропорции, чем совершалось оно при монголах. А если при этом взять во внимание, что почти все монастыри монгольского периода продолжали существовать и в настоящий вместе с вновь возникшими, то окажется, что теперь общее число их было у нас выше четырехсот.

Справедливость, впрочем, требует заметить, что некоторые монастыри, неизвестно кем и когда основанные, делаются только известными в настоящий период, а могли существовать и прежде. Зато несомненно, что другие монастыри, например Соловецкий, Пафнутиев боровский, были едва основаны под конец прошлого периода, но получили даже первоначальное устройство уже в настоящий и что самые их основатели или устроители значительнейшею долею своей деятельности принадлежали настоящему периоду.

К сожалению, о большей части наших тогдашних монастырей как в Руси Восточной или, точнее, в средней полосе России, так и в Руси Северной сохранились крайне скудные сведения, так что нам приходится почти только их перечислить. Несравненно менее таких обителей, о которых мы имеем возможность сказать, кем и когда они основаны и каковы были их устройство и состояние.

I

Москва, местопребывание Русского митрополита, считала уже в себе до 15 монастырей и между ними: Чудов, Андроников, Симонов, Алексеевский. Теперь делаются в Москве известными еще 16 монастырей.

Из числа их ко 2-й половине XV в. относятся: а) *Богоявленский на Троицком подворье*; это подворье находилось в Кремле близ великокняжеского дворца и подарено было еще Димитрием Иоанновичем Донским преподобному Сергию Радонежскому; в 1460 г. здесь сооружена каменная церковь Богоявления и около того же времени образовался монастырь^[71*] под управлением игумена и в зависимости от Сергиевой лавры²; б) *Новоспасский* — устроен в 1462 г.^[72*] на возвышенном берегу Москвы-реки, в четырех верстах от Кремля по воле великого князя Иоанна Васильевича III взамен монастыря Спасского, который еще со времен Иоанна Даниловича Калиты помещался в Кремле на самом великокняжеском дворе, а теперь переведен со всем своим штатом в монастырь Новоспасский³; в) *Воскресенский на Высоком* в Белом городе, упоминаемый в 1479 г., и г) *Покровский в Садах*, великокняжеский, в котором Иоанн Васильевич в том же году приказал построить новую деревянную церковь⁴; д) *Спасский в Чигасах* за Яузою, здесь в 1483 г. игумен Чигас заложил каменную церковь^[73*]; е) *Николаевский на Узрещи* близ Москвы, упоминаемый с 1488 г., и ж) *Козмодемьянский на Вражках* за Яузою, упоминаемый в 1498 г.⁵

В продолжение XVI столетия в первый раз упоминаются в Москве монастыри: а) *Покровский Лыщиков* на Лыщиковой горе, который великий князь Иоанн III завещал в 1504 г. как свой великокняжеский сыну своему Василию; б) *Георгиевский девич* в Белом городе, основанный в 1-й половине XVI в. дочерью именитого боярина и воеводы Юрия Захарьевича Романова Феодосиею, теткою добродетельной Анастасии, первой супруги Иоанна Грозного⁶; в) *Новодевичий*^[74*] на Девичьем поле, созданный великим князем Василием Иоанновичем в 1525 г. по обету, вследствие покорения Смоленска; г) *Савин* на том же Девичьем поле, существовавший уже при построении Новодевичьего монастыря и считавшийся в числе домовых монастырей митрополита; д) *Введенский девич* на Хлынове, в Белом городе, упоминаемый в 1536 г.⁷; е) *Крестовоздвиженский* на Острове, в Белом городе; ж) *Ильинский* на Ильинском крестце в Китай-городе и з) *Николаевский* на Драчах в Земляном городе, подвергшийся пожару в 1547 г.⁸, и) *Иоанновский девич* на Кулижках в Белом городе, основанный, по преданию, царем Иоанном Васильевичем IV⁹.

Но не в Москве, столице Русского государства, явились тогда самые замечательные обители Руси Восточной, а в трех незначительных городах, находившихся в недалеком расстоянии от Москвы: Боровске, Волоколамске и Переяславле Залесском, из которых только второй несколько времени не находился в епархии митрополита. Основателем обители в Боровске был преподобный Пафнутий, в крещении Парфений.

*Собор в честь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы
Новодевичьего монастыря в Москве. 1-я четв. XVI в.*

Он родился к концу XIV в. в сельце Кудинове близ Боровска от благочестивых родителей и по отцу происходил из татар. Дед его был некогда баскаком в Боровске и во время случившегося восстания русских против татар принял крещение с именем Мартина, чтобы спасти свою жизнь. Двадцати лет Пафнутий вступил в боровский Покровский монастырь, называвшийся Высоким, и, к счастью, с самого начала отдан был под ближайшее руководство ученику преподобного Сергия Радонежского Никите, который после игуменства своего в серпуховской Зачатьевской обители проживал теперь здесь на покое. Проведши семь лет под руководством такого старца, пока он снова не отошел в прежнюю свою обитель, Пафнутий настолько утвердился в добром направлении, что уже сам продолжал более и более возвышаться в духовной жизни. С течением времени своими добродетелями он приобрел общее уважение и любовь между братиею, так что когда настоятельское место в обители сделалось праздным, то и иноки и сам боровский князь Семен Владимирович, считавший эту обитель своею, упросили его принять сан игумена. Посвященный митрополитом Фотием (следовательно, не позже 1431 г.), Пафнутий еще ревностнее предался иноческим подвигам, подавая пример своей духовной пастве, и дни проводил в монастырских службах и работах, а ночи в молитве. Но на тринадцатом году игуменства его посетила продолжительная болезнь —

Прп. Пафнутий Боровский. Икона. 30-е гг. XIX в.

он принял схиму (и с того времени уже не священнодействовал до конца своей жизни, за исключением одного случая), отказался от начальствования над обителию и в двух верстах от нее избрал для себя уединенное место в лесу между двумя реками, где и поселился с одним из братьев. Это было в 1444 г. Скоро начали стекаться к нему сюда иноки из разных монастырей и с его согласия строили себе кельи. Когда число собравшихся значительно возросло, он позволил им соорудить деревянную церковь, которая и освящена во имя Рождества Пресвятой Богородицы по благословию митрополита Ионы (следовательно, не прежде 1448 г.). С этого времени действительно образовался или устроился боровский Пафнутиев монастырь, который еще при жизни своего основателя сделался славным во всей земле Русской. Пафнутий управлял им около тридцати лет и светил для всех своими добродетелями. Он обыкновенно в понедельник и пятницу ничего не кушал, в среду ел только хлеб, в прочие дни трапезовал вместе с братиею. Всегда трудился в тяжелых работах: сек и носил дрова, копал землю для ограды, носил воду для поливки растений, и никто прежде него не приходил ни на работу, ни на соборное правило. В зимнее же время более предавался молитве и чтению и плел сети для ловли рыбы. Женщин не только не позволял впускать в обитель, но не хотел видеть и издалека и запрещал даже говорить об них. Во всем любил скудость и нищету и о внешности

своей вовсе не заботился. Сильных людей не боялся, бедных не презирал; гордым не очень был доступен, а к нищим всегда ласков и милостив. Однажды во время голода он пропитал всех окрестных жителей, которые собирались к нему ежедневно по тысяче человек и более, так что в обители из запасов ничего не осталось. Относительно догматов веры имел такую ревность, что если кто начинал говорить что-либо несогласное с Божественным Писанием, то не только не хотел слушать такого человека, но изгонял из обители. «Мы прожили с ним довольно лет, — говорит один из бывших учеников Пафнутия, — видели его труды и злострадания, подвиги и посты, худость одежды, твердую веру и любовь к Богу, несомненную надежду на Пречистую Богородицу. За то и сподобился он благодати Божией, так что прозирал будущее, видел и объявлял сокровенные помыслы братии, исцелял болезни и получал все, чего ни просил у Господа Бога и Пречистой Богородицы. Был воистину далек от людей нынешнего века всеми своими обычаями»¹⁰. Сказания о высоких подвигах преподобного Пафнутия привлекали к нему многих со всех сторон, и обитель его расширялась более и более. Это расположило его воздвигнуть новый, более обширный и каменный храм, для которого он сам вместе с учениками носил камень, воду и другие материалы. А чтобы украсить храм, пригласил самых лучших иконописцев того времени — старца Митрофана и Дионисия. Вместе с церковью преподобный воздвиг в своей обители и все прочие необходимые строения. Уважение к нему простиралось до такой степени, что когда он под конец жизни сделался болен и стал изнемогать, то не только бояре, но и князья и княгини из всех уделов, даже сам великий князь и митрополит многократно присылали навещать его и просить его благословения и молитв. Святой старец скончался в 1477 г. восьмидесяти двух лет с половиною, оставив обитель свою вполне благоустроенною, в которой при смерти его находилось уже 95 иноков и из которой вышли достойные основатели и других обителей^{11 [75*]}.

Таков был, прежде всех, преподобный Иосиф, основатель *Волоколамского монастыря*, названного его именем. Не станем повторять здесь биографии этого великого подвижника и ревнителя православия, изложенной нами в другом месте (т. 6. С. 106 и следующие [281]), а припомним только, что он основал свою Волоколамскую обитель в 1479 г. и ввел в нее общежительный устав, когда число братий возросло в ней до ста, и скажем здесь как об этой обители, так и о самом Иосифе лишь то, чего там не сказали. По уставу Иосифова монастыря пища иноков была самая простая и умеренная, одежда грубая и худая, обувь из лык, несмотря на все средства монастыря. В кельях не держалось ничего, кроме икон, книг и бедных одежд, а потому не было и запоров. В монастырских работах должны были участвовать все братия одинаково, без всякого различия, был ли кто прежде нищим или богачом, рабом или вельможею. В церковь приходили все по первому звону и в ней стояли и молились благоговейно; после литургии шли в трапезу и, вкушая пищу, безмолвно внимали назидательному чтению. После повечерия каждый шел в свою келью и потом исповедовал отцу духовному

Прп. Иосиф Волоцкий. Икона. Кон. XVII—нач. XVIII в.

свои грехи протекшего дня. Никто не мог выйти за ворота обители без благословения настоятеля. А женщинам и детям вовсе запрещен был вход в обитель. Были иноки, которые, не ограничиваясь точным исполнением общих монастырских правил, решались с благословения настоятеля на некоторые особенные подвиги: один носил на своем теле острую власяницу, другой — тяжелые вериги, третий клал ежедневно по тысяче, даже по две и по три тысячи поклонов; некоторые проводили почти всю ночь в молитве и предавались сну на самое короткое время, и то сидя или стоя. Старец Герасим Черный, постоянно отличавшийся строгим постничеством, жил, наконец, как отшельник вне обители. Другой старец — Кассиан, по прозванию Босой (потому что никогда не носил обуви, даже зимой), пользовался за свои высокие подвиги таким уважением, что сам великий князь Василий Иоаннович избрал его в восприемника своему сыну Иоанну. Впрочем, оба эти старца пришли с Иосифом еще из Пафнутиевой обители. Из постриженников самого Иосифа замечательны были: Иона Голова, бывший в мире воспитателем сыновей волоколамского князя Бориса, Дионисий — из рода князей звенигородских и Арсений Голенин — из рода князей ростовских. Первый непрестанно пребывал в трудах и молитве и служил образцом смирения и сокрушения о своих грехах. Второй, кроме того что исправлял послушание в пекарне за двоих, каждый день прочитывал по 77 псалмов

и полагал по три тысячи поклонов. Он поразил всех самым поступлением в монашество. Однажды, будучи еще мирянином, он отправился со множеством своих слуг на охоту, но, проезжая мимо обители Иосифовой, зашел в церковь во время службы и, внезапно упав к стопам игумена, неотступно просил себе немедленного пострижения. И тут же удостоившись получить желаемое, отпустил своих слуг и отдал имение свое на монастырь. Потом с безусловным послушанием нес труды в поварне, хлебопекарне и уходе за больными, не отличаясь ничем от прочих братьев ни в одежде, ни в пище¹².

Заботясь об устройении своей обители и о снабжении ее всеми необходимыми средствами, преподобный Иосиф никогда не отказывал в помощи и обращавшимся к нему бедным поселянам: иным отпускал семена для посева, другим давал деньги для покупки сельскохозяйственных орудий и домашнего скота. Однажды во время страшного голода, когда многие в отчаянии носили детей своих к обители и побросали, преподобный поспешил построить для них дом при входе в обитель и принял всех (более 50) на ее призрение *Бога ради*. Дом этот с устроенною в нем церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы обратился в постоянную странноприимницу под названием *Богарадного монастыря*, где находили себе пристанище и готовую пищу бедные и странники, болящие и страждущие, так что обитель ежедневно кормила по шестисот и семисот человек и издерживала как на свои нужды, так и на бедных ежегодно по три тысячи четвертей хлеба и все, что приобретала. А для прокормления вообще голодавших, которые тогда, во время голода, приходили к обители, Иосиф отворил все монастырские житницы и когда свои запасы истощились, то, несмотря на ропот братии, делал еще займы. Великий князь Василий Иоаннович при личном посещении монастыря, заметив его оскудение, приказал отпустить ему из собственных сел столько разного хлеба, сколько было нужно, а затем прислали в обитель свои пожертвования и братья великого князя и многие другие лица. Кроме Богарадного, или Богадельного, монастыря, назначенного для призрения бедных, Иосиф устроил еще небольшой монастырь, также Введенский, в своем родовом имении Спиридонове, в трех верстах от своей главной обители, получавший от нее все содержание. В этом монастыре, в котором число братьев простиралось до двенадцати, устроен был при главной церкви особый молитвенный дом с глубоко ископанною могилою, называвшийся *божедомьем* (т. е. *Божим домом*), где погребали всех странных, безвестною и нужною смертию скончавшихся православных христиан и *Бога ради* в известные дни года поминали их и служили по них обедни и панихиды¹³.

Волоколамский монастырь, основанный преподобным Иосифом, процветал и после его смерти (9 сентября 1515 г.) и по своему значению для Церкви долгое время занимал одно из первых мест в числе монастырей русских. Отсюда вышли только в продолжение каких-нибудь пятидесяти лет настоящего периода иерархи: Даниил, митрополит Московский, архиепископы: Ростовский Вассиан II, брат преподобного Иосифа, Новгородский Феодосий II, Казанские: Гурий, Герман,

*Монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы
(Иосифо-Волоколамский)*

Лаврентий, Тихон и Иеремя, епископы: Смоленский Савва Слепушкин, Полоцкий Трифон, Коломенский Вассиан Топорков, Тверской Акакий, Крутицкие: Савва Черный, Нифонт, Галактион и Симеон, Рязанский Леонид и другие¹⁴.

Другой постриженник Пафнутиева монастыря, основавший свой собственный монастырь, был преподобный Даниил Переяславский, в мире Димитрий. Родившись (1453) в Переяславле Залесском, куда родители его незадолго пред тем переселились из Мценска, он с самых ранних лет почувствовал в себе влечение к иночеству и, прожив несколько времени в переяславском Никитском монастыре у родственника своего, игумена Ионы, тайно ушел в Пафнутиев монастырь. Здесь хотя не застал уже в живых самого Пафнутия, но принял пострижение и подвизался десять лет под руководством благочестивого старца Левкия, с которым прожил потом еще два года в основанной им пустыне. По возвращении в свой родной город Даниил поселился было в Никитском монастыре, но вскоре перешел в Богородичный Горицкий. Удостоившись получить сан священства, ежедневно совершал Божественную службу и с любовью принимал всех, иноков и мирян, приходивших к нему для духовного назидания; особенно же заботился о упокоении странников и о тех несчастных, которые умирали какою-либо безвестною или нужною смертью: таких он отыскивал, своими

*Собор во имя Пресвятой Троицы Данилова монастыря
в Переяславле Залесском. 1532*

руками относил в общую могилу, или усыпальницу, существовавшую в городе, и отпевал по-христиански. Не довольствуясь этим, он пожелал еще построить над общею усыпальницею храм Божий и, получив благословение от митрополита Симона, при соучастии некоторых добрых людей действительно построил во имя всех святых. А как нашлись и такие, которые возревновали построить себе тут же, вокруг храма, кельи и постричься в иноки, то преподобный согласился на это и основал (в 1508 г.) *монастырь*, который по имени его назван впоследствии *Даниловым*. Оставаясь сам в Горицкой обители, он ежедневно посещал свой «божедомский» монастырь, отправлял здесь церковную службу, наставлял иноков в подвижничестве и утешал, подкреплял их среди нужд, какие они на первых порах терпели. Братия Горицкого монастыря упросили преподобного быть их настоятелем и архимандритом, но он через девять месяцев оставил настоятельство и продолжал по-прежнему трудиться для своей новой обители. Великий князь Василий Иоаннович, посетив ее, нашел в ней скромную простоту во всем, порядок и благочиние, а в иноках благоговейность и умиление; был очень доволен и определил для нее ежегодное вспоможение. А при втором посещении повелел самому преподобному переселиться в эту обитель и ввести в ней общежитие, обещавшись оказывать ему всякое пособие. Старец исполнил волю государя, переселился (1511) в свой любимый

монастырь и управлял им еще около тридцати лет. Скоро обитель Даниила начала процветать: ее средства увеличивались от разных пожертвований; он построил в ней каменный храм во имя Пресвятой Троицы, каменную трапезу и многие другие палаты; число братства в обители, возрастая постепенно, простиралось выше семидесяти; устав общежительный соблюдаем был в ней со всею строгостию. Средства обители преподобный употреблял и на пособия мирянам, и однажды во время голода он пропитал всех приходивших к обители в продолжение восьми месяцев, пока не настала новая жатва^[76*]. Чтя особенно Даниила, великий князь Василий Иоаннович приглашал его в восприемника обоих своих детей — Иоанна и Юрия. Но, несмотря на такую честь, старец не переставал пребывать в глубоком смирении и наравне со всеми иноками разделял самые простые и черные работы в обители. Достигнув глубокой старости, он почувствовал изнеможение, оставил настоятельство, принял схиму и 7 апреля 1540 г. скончался на 87-м году своей жизни¹⁵. Обитель Даниилова, подобно Пафнутиевой, как увидим, послужила рассадником и для некоторых других обителей.

Были и еще монастыри в Боровске, Волоколамске и Переяславле Залесском кроме тех трех, о которых мы сказали. В Боровске — *Рождество-Богородицкий*, женский, который в 1452 г. супруга знаменитого князя Владимира Андреевича Храброго завещала внуку своему, князю боровскому Василию Ярославичу, и наделила разными угодиями¹⁶. В Волоколамске — *Крестовоздвиженский*, в котором преподобный Иосиф Волоколамский учился грамоте и письму; *Возмицкий*^[77*], где приготавливался он в качестве послушника к пострижению в монашество; *Власиевский*, где постриглась его мать, и *Левкиев*, или Левкиева Успенская пустынь^[78*], основанная в Волоколамском уезде на реке Рузе преподобным Левкием, постриженником Пафнутиева боровского монастыря и бывшим наставником преподобного Даниила Переяславского¹⁷. В Переяславле Залесском — *Христо-Рождественский*, где в 1540 г. числилось братии только шесть человек, и *Феодоровский*, в трех верстах от города, основанный царем Иоанном IV по случаю рождения сына его Феодора в 1557 г., в монастыре этом с самого начала не только церковь во имя Феодора Стратилата, но и все прочие здания воздвигнуты были каменные¹⁸.

Обращаясь к другим городам, находившимся в недалеком расстоянии от Москвы, из которых одни относились к Московской, а другие к Коломенской епархии, встречаем в них и их уездах довольно ограниченное число новых монастырей. Таковы были: а) близ Сергиевской лавры — *Введенский*, называвшийся по своему положению на Подоле *Подольным* и состоявший в зависимости от лавры (упоминается в 1547 г.)^[79*]; б) в Дмитрове и его уезде: *Ильинский* на Воре, принадлежавший непосредственно митрополиту (упоминается в 1465 г.), и *Троицкий на Березниках*, который дмитровский князь Юрий Васильевич передал в 1471 г. как свой в заведование Сергиевой лавры; в) в Клинском уезде: *Зосимин*, или Зосимины пустынь, на реке Малой Сестре (упоминается в 1525–1540 гг.); г) в Звенигородском уезде:

Онуфриева пустынь (упоминается в 1504 г.) и монастырь *Медведев* на Тростне (упоминается около 1575 г.)¹⁹; д) в Коломне: *Брусенский Успенский* девич, основанный в 1552 г.; е) в Серпуховском уезде: *Давидова Вознесенская* пустынь, основанная постриженником Пафнутиева Боровского монастыря старцем Давидом в 1515 г.; ж) близ Коширы: *Троицкий Песоцкий*, или на Песках, которому покровительствовали один за другим три казанских царя: Магмед-Амиль, Абдыл-Летиф и Шиг-Алей, владевшие по свержении своем с престола Коширою на правах удельных (упоминается в 1498—1532 гг.); з) близ Калуги: *Христорождественский*, или *Лаврентиевский* (упоминается в 1565 г.), где почивают под спудом мощи святого Лаврентия, Христа ради юродивого (1515)²⁰.

Немного также известно новых обитателей во Владимирском, Нижегородском и Костромском краях, которые все принадлежали преимущественно к Московской, или митрополичей, епархии, а частью к Суздальской.

В первом мы можем указать только на три митрополичих извечных монастыря в самом Владимирском уезде: *Сновицкий*, *Николаевский Волосов* и *Преображенский* на Святом озере (упоминается в 1504 г.) — да еще на два монастыря: *Архангельский*, построенный в 1560 г. иждивением князя Михаила Ивановича Кубенского в Юрьеве Польском, и *Козмин* в уезде этого города на реке Яхроме, основанный к концу XV в. преподобным Косьмою Яхромским, постриженником Киево-Печерской лавры²¹.

В Нижегородском крае около половины XVI столетия упоминаются монастыри: в Балахне — *Покровский*, основанный иеромонахом Пафнутием, и *Христорождественский* женский и в Арзамасе — *Спасский*²².

В костромских пределах явились монастыри: *Преображенский* в городе Кинешме (упоминается около 1452 г.); *Благовещенский* с *Уноража* в Костромском уезде (упоминается около 1500 г.); *Николаевский*, иначе *Тихонова* пустынь, близ города Лухова, устроившийся (1503) вскоре по смерти преподобного Тихона Лухомского на месте его пустынных подвигов; *Преображенский* на Сурском озере, получивший начало (около 1530 г.) от преподобного Корнилия Комельского, а потом устроенный учеником его — преподобным Геннадием Костромским и Любимским, который в 1549 г. удостоился быть приемником первой дочери царя Иоанна Васильевича IV; *Воздвиженский* в Костроме, где принял пострижение, и *Благовещенский* на реке Монзе, где скончался в 1591 г. преподобный Ферапонт Монзенский²³.

Большая часть монастырей Рязанской епархии сосредоточивались в самой Рязани, ее окрестностях и уезде. В самой Рязани находились: *Духов*, которому последняя рязанская княгиня Агриппина подарила в 1506 г. одно село с разными угодьями, и *Спаспреображенский*, получивший такой же подарок от рязанского князя Феодора Васильевича (1503). В окрестностях Рязани: *Троицкий* и *Богоявленский*, восходящие еще к XV в. В уезде Рязанском: *Зачатиевский*, существовавший

*Явление Пресвятой Богородицы прп. Корнилию Комельскому.
Икона. Кон. XVIII—нач. XIX в.*

не только во 2-й, но, вероятно, даже в 1-й половине XV в.; *Аграфинский Покровский* девич, устроенный рязанскою княгиней Агриппиною в 1507 г. и называющийся пустынью; *Богословский*, основанный прежде 1533 г., и *Воскресенский Терехов*, получивший еще в 1520 г. жалованную грамоту от великого князя Василия Иоанновича²⁴.

Из монастырей Рязанской епархии, более отдаленных от Рязани, известны: *Николаевский Радовицкий*^[80*], построенный при озере Радовицком в 65 верстах от Рязани при царе Иоанне IV; два монастыря муромских: *Благовещенский*, основанный в 1563 г. по взятии Казани царем Иоанном Васильевичем вследствие обета над могилою муромских князей Константина и его чад, и *Николаевский Бутылицкий*, упоминаемый в 1574 г.; наконец, *Чернеев Николаевский* на реке Цне, в 20 верстах от Шатска, построенный в 1584 г. по благословению Рязанского епископа Леониды иеромонахом Матфеем²⁵.

Смоленская епархия была небогата новыми обителями. В самом Смоленске и близ него с начала XVI столетия упоминаются три монастыря: *Спасский*, *Троицкий* (1506) и *Святодуховский*, которого игумен Афанасий присутствовал на Виленском Соборе 1509 г.²⁶ Еще четыре монастыря в 1-й половине того же века основаны были в разных местах епархии преподобным Герасимом Болдинским. Этот Герасим, в мире Григорий, родился в Переяславле Залесском и с раннего

возраста принял пострижение в обители преподобного Даниила Переяславского, под руководством которого и провел более двадцати лет. Утвердившись в духовной жизни, он отправился искать себе уединения и сначала поселился в Дорогобужском уезде, в самой глухой и лесистой пустыне, где скрывались по временам разбойники, от которых много терпел и которых напрасно старался вразумить. Здесь на берегу реки Болдины в 15 верстах от Дорогобужа старец поставил 25 марта 1528 г. церковь Пресвятой Троицы с несколькими кельями и потом мало-помалу устроил свою первую *Свято-Троицкую Болдину* обитель, в которой под конец его жизни считалось до 140 братий. Через несколько времени он пошел искать себе нового уединения и поселился близ Вязьмы в глухом лесу, где также было приволье ворами и разбойникам. Чтобы и здесь рассеять недобрых людей и освятить место, преподобный построил в 1535 г. церковь во имя святого Предтечи и затем *Предтечев* монастырь, в который собралось братии до 40 человек. Поставив над ними игуменом ученика своего Симеона, Герасим удалился за триста верст от своего Болдина монастыря, в Брянский уезд и здесь на берегу реки Жиздры, в Брынском лесу, расчистив место, основал третий свой монастырь — *Введенский* и собрал также до 40 человек братии. Поручив управление этою обители ученику своему Петру Коростелеву, преподобный возвратился в Болдин монастырь и неподалеку от него и от Дорогобужа, при местечке Свирковых Луках основал около 1545 г. четвертый монастырь — *Рождество-Богородицкий Свирколуцкий*. Во все эти четыре монастыря Герасим ввел один и тот же общежительный устав. Почувствовав приближение смерти, старец созвал к себе из всех своих монастырей до 127 иноков, преподавал всем наставления^[81*] и скончался 1 мая 1554 г. на 65-м году своей жизни²⁷.

Должно, однако ж, сказать, что один из монастырей, основанных преподобным Герасимом, именно Предтечев вяземский, принадлежал тогда не к Смоленской епархии, а к Крутицкой, иначе Сарской и Подонской, так как Вязьма, будучи присоединена к Русскому государству от Польши гораздо прежде Смоленска, еще в 1494 г., с того времени поступила со всем своим округом в ведение Крутицкого епископа. В Крутицкой же епархии состоял и монастырь *Спасо-Преображенский*, построенный в городе Белеве при белевских князьях Солнцовых-Засекиных, еще до времен царя Иоанна Васильевича Грозного²⁸.

В Тверском крае первое место между новыми монастырями по справедливости принадлежит монастырю *Троицкому Колязинскому*, основанному неподалеку от города Кашина. В Кашине существовали уже обители *Сретенская* женская и *Николаевская Клобукова*. В этой-то последней и принял пострижение сын славного боярина Василия Кожы, родоначальника дворян Кожыных, жившего в восьми верстах от Кашина, по имени Матвей. С ранних лет он чувствовал в себе влечение к иноческой жизни, но по воле родителей должен был вступить в брак. Через год после того родители Матвея скончались, а через три скончалась и его жена. Тогда, не стесняемый ничем, он раздал

Прп. Макарий Калязинский. Икона. 2-я пол. XVII в.

имение нищим, а сам поступил в помянутый монастырь, где при пострижении и назван Макарием. Через несколько времени он вместе с семью другими иноками удалился из монастыря в пустыню и избрал для себя уединенное место в 18 верстах от Кашина, между двумя озерами вблизи Волги. Тут на первых порах старцу угрожала большая опасность. Владелец соседней земли боярин Иван Коляга, опасаясь, чтобы у него не отняли этой земли и не отдали новой обители, если она оснуется, возненавидел Макария и решился его умертвить. Но, внезапно подвергшись тяжкой болезни, со слезами исповедал свой грех пред старцем, испросил у него прощения, подарил ему свою землю для обители и даже сам по его убеждениям принял от него монашеский образ. По имени этого-то Коляги основанная здесь преподобным Макарием обитель с церковью во имя Святой Троицы и названа Колязинскою. Когда число иночествующих в ней умножилось, они упросили Макария быть их начальником, и Тверской епископ Моисей (1453–1460) посвятил его во иеромонаха и игумена. В новом сане преподобный нимало не изменился: по-прежнему он принимал участие во всех монастырских трудах наравне с другими иноками, носил самую грубую и худую одежду, нередко с заплатами, а своим смирением, подвигами поста, самоумерщвления, молитвы превосходил всех братий. Не только простые люди, но и вельможи стремились к нему в обитель, чтобы видеть его и послу-

шать его наставлений. Достойные были у него и помощники в деле нравственного устроения обители. «Когда я пришел на это место, — говорил он сам преподобному Иосифу Волоколамскому при свидании с ним, — со мной пришли семь старцев из Клобукова монастыря. Они так были совершенны в добродетелях, в постническом и иноческом житии, что все прочие братья приходили к ним принимать наставления и назидание. И они всех просвещали и поучали полезному: живущих в добродетелях утверждали, а уклонявшимся в бесчестие запрещали, возбраняли и не позволяли ходить по своим волям». Преподобный Иосиф посетил эту обитель около 1478 г., следовательно лет за пять до кончины преподобного Макария, и вот что передает нам: «Тогда в ней были благоговение и благочиние и все совершалось по отеческим и общежительным преданиям, так что даже великий старец Митрофан Бывальцев тому дивился. Он возвратился тогда со святой горы Афонской, прожив на ней девять лет, и говорил братии: «Я напрасно трудился и совершал такой дальний путь в Святую гору мимо Колязинского монастыря, можно и в нем спастись, потому что здесь творится все подобно киновиям, находящимся на Святой горе». Преподобный Макарий Колязинский скончался на 83-м году своей жизни, 17 марта 1483 г.²⁹

В 15 верстах от Твери существовала пустынь *Савватиева* [82*], которую также посетил преподобный Иосиф Волоколамский во время своего путешествия по русским монастырям. Здесь он увидел, по его собственному выражению, святого старца Евфросина из рода князей Тепринских, который 60 лет прожил «во отходе», т. е. вне обители, как отшельник и никуда не выходил из своей пустыни. К нему приходили многие, иноки и миряне, князья и бояре, и нарушали его безмолвие. Это заставило его удалиться в новгородские пределы и поселиться на одном из островов Ладожского озера, где и провел он несколько лет. Но как и здесь, услышав о нем, начали посещать его поселяне с женами и детьми, то он предпочел возвратиться в прежнюю свою пустыню. Тут он вскоре врачевал своими молитвами от тяжелой болезни дочь тверского князя Бориса Александровича, бывшую потом супругою великого князя Иоанна III. В XVI столетии упоминаются в Твери и ее уезде еще три монастыря: *Перемерский* (1549), *Вознесенский Тутанский*, который в 1571 г. поступил в управление Сергиевой лавры, и *Спасский* на реке Созе, получивший в 1582 г. жалованную грамоту от тверского князя Симеона Бекбулатовича³⁰.

В других городах и уездах Тверского края появились монастыри: а) *Николаевский Антониев* близ Красного Холма, основан в 1461 г. иеромонахом Антонием, который через двадцать лет воздвиг в нем и каменный храм при содействии местного владельца — боярина Нелединского; б) *Успенский* в Старице, построен в начале XVI столетия старицким князем Андреем Ивановичем; в) *Преображенский* в селе Присеках Бежецкого уезда, которое числилось в Новгородской епархии, но принадлежало Сергиевой лавре (упоминается в 1561 г.); г) *Троицкий Селижаров* при слиянии реки Селижаровки с Волгой в Осташковском уезде, в 1513 г. этому монастырю волоцкий князь

Федор Борисович завещал одну из своих вотчин; д) *Воскресенский* девичь в Торжке, имевший жалованную грамоту от царя Ивана Васильевича Грозного³¹.

В Ростовском крае к прежним монастырям, насколько известно, присоединилось семь новых. Один близ Ростова — *Троицкий Варницкий*, при бывших соляных варницах, существовавший еще в 1-й половине XVI в.^[83*] Четыре в Угличе и его уезде: *Алексеевский* в самом городе, построенный в 1492 г. князем Фомою — Димитрием; *Христорождественский* на Прилуке, считавшийся (1448—1454) в числе подведомых Сергиевой лавре; *Покровский* в трех верстах от Углича, основанный около 1476 г. преподобным Паисием, племянником и постриженником преподобного Макария Колязинского, по желанию угличского князя Андрея Васильевича, давшего к тому все средства; *Кассианов Учемский* в 15 верстах от Углича на реке Учме, основанный при содействии того же князя (не позже 1491 г.) преподобным Кассианом, который был рода княжеского из Морей, приехал в Москву вместе с Софиею, невестою великого князя Иоанна III, и постригся в Ферапонтовом монастыре на Белеозере. Два в Пошехонском уезде: *Савостьянов Преображенский* (пустынь) на реке Сохоте, основанный преподобным Севастианом в начале XVI в., и *Адрианов Успенский* на реке Вотхе, построенный в 1543 г. преподобным Адрианом по благословению митрополита Макария³².

Две новые области, приобретенные царству Русскому и вместе Русской Церкви во 2-й половине XVI в., — Казанская и Астраханская вскоре начали украшаться святыми обителями. В Казани сам царь Иоанн Васильевич вдруг по взятии ее (1552) положил начало первому монастырю — *Успенскому* на месте погребения русских воинов, павших при осаде города. Монастырь этот, так как местность его оказалась слишком низменною и ежегодно заливалась полою весеннею водою, перенесен в 1560 г. на соседнюю гору Зилант, от которой и начал называться *Зилантовым*, и там устроен попечением святителя Гурия. Два архимандрита, прибывшие вместе с Гурием, устроили также по монастырю: Варсонофий в Казани — *Спасо-Преображенский* (1556), а Герман в Свияжске — *Богородицко-Успенский* (1562). При святителе Германе основаны монастыри: *Троицкий* в Чебоксарах (в 1566 г.) и *Иоанно-Предтечев* в Казани (1567) иждивением самого Германа и некоторых граждан. Тогда же, если не прежде, возник в Казани монастырь *Троицкий*, в котором погребен был в 1576 г. пятый Казанский архиепископ — Тихон I. А чрез два года, по случаю явления Казанской иконы Божией Матери основан в Казани первый монастырь девичий — *Богородицкий Казанский*³³.

Что же касается до Астрахани, то в ней мы знаем в настоящий период только один монастырь — *Троицкий*, который был устроен игуменом Кириллом, присланным сюда в 1568 г. по указу царя Иоанна Васильевича³⁴.

II

В северной полосе России находились только две епархии: Новгородская и Вологодско-Пермская — с двумя-тремя городами и уездами епархии Ростовской. Но в этих двух обширных епархиях явилось теперь больше иноческих обителей, чем во всех восьми епархиях Московской митрополии, которые мы доселе обозревали. На севере было больше мест безлюдных и пустынных, больше простора и удобства для развития строго монашеской жизни, нежели в средней полосе России. В глубь севера влекла иноков и заставляла там селиться и святая ревность просветить словом Евангелия грубых дикарей — зырян, корелов, жителей Лапландии и научить их благочестивой жизни.

Великий Новгород, хотя был уже переполнен монастырями от прежнего времени, не переставал обогащаться и новыми. Пять таких монастырей мы видим на Софийской стороне его: *Благовещенский* в Гончарском конце, *Воскресенский* там же, *Вознесенский* в Загородском конце, *Николаевский* на Легошей улице и другой *Николаевский* на Розважей улице, основанный в 1552 г. Еще четыре — на Торговой стороне: *Воскресенский* на Запольской улице, *Воскресенский* на Никитиной улице, *Воскресенский* на Павловой улице и *Рождество-Богородицкий Арсеньев* на Михайловской улице. Последний назван по имени своего основателя — преподобного Арсения, в мире Амвросия, который родился во Ржеве Володимеровой от ремесленников и, постригшись в 1562 г. в монашество, построил свою обитель при содействии одного новгородского боярина — дьяка Федора Дмитриевича Сыркова, отличался самою строгою жизнью, носил вериги и последние годы свои провел в затворе († 12 июля 1570 г.)³⁵.

Для обозрения многочисленных монастырей области Новгородской считаем за лучшее держаться разделения ее на пятины, т. е. на пять частей, которое делается известным с конца XV в. и оставалось в силе в продолжение всего XVI и после. И начнем с тех пятин, которые соприкасались областям средней полосы России, только что нами обозранным.

Бежецкая пятина, простиравшаяся на восток, северо-восток и юго-восток от Новгорода между реками Мдою и Мстою, заключала в себе, судя по описанию ее 1581—1583 гг., тринадцать монастырей. Но все эти монастыри были крайне незначительны и малолюдны. Так, в Никольском погосте в Шереховичах (в нынешнем Боровицком уезде) стоял на Черном лесу «монастырь царев и великаго князя», называвшийся *Никандровою пустынью*, здесь было только одиннадцать келий, из которых семь оставались пусты. В Богородицком погосте в Сопинах (в том же уезде) *Никольский* монастырь на реке Фадрице имел только три кельи: для игумена, дьячка и пономаря. В Козмодемьянском погосте в Кушевере (того же уезда) *Никольский* «царев и великаго князя монастырь на Черном лесу» имел также три кельи. В Петровском и Борисоглебском погосте в Боровичах *Рождество-Богородицкий* монастырь в Передках имел четыре кельи, но получал руги на

двенадцать старцев кроме игумена. В том же погосте в Боровичах на реке Мсте *Свято-Духовский* монастырь, вновь устроенный (прежде 1572 г.) по случаю явления мощей святого Иакова Боровицкого, заключал в себе одиннадцать келий и четырнадцать братий. В Никольском погосте в Морткиничах на реке Мсте был *Никольский* монастырь с двумя только кельями, получавший руги на десять человек. В Никольском погосте Вышнего Волочка у Столпа на реке Тверце *Никольский* монастырь имел восемь келий и старцев. В Воскресенском погосте в Осечне (Вышневолоцкого уезда) *Троицкий* монастырь на реке Илемне имел двенадцать келий. В Никольском Подлубском погосте у села Еванова (того же уезда) вновь устроен в 1582 г. каким-то Клементием Милюковым монастырек *Никитский* с тремя кельями. В *Троицком* монастыре на озере Удомле было девять келий, из которых шесть оставались незанятыми, а в четырех кельях при монастыре жили нищие. В монастыре *святой Параскевы* у озера Песвы находилось пять келий для стариц-инокинь да две для нищих. В монастырьке *святой мученицы Евфимии* у озера Кремони жил один иеромонах, а три кельи заняты были нищими. В *Спасском монастыре* на реке Мологе жили два старца в двух кельях, а при монастыре в четырех кельях жили нищие³⁶. К этим 13 монастырям Бежецкой пятины надобно присовокупить еще два, упоминаемые в послании Новгородского владыки Феодосия (1545) в Железноборскую Устюжну, именно: *Пречистенский* и *Ильинский*³⁷.

Соседнею с Бежецкою пятиною по реке Мсте была пятина Деревская, лежавшая на юго-восток от Новгорода между озером Ильменем и реками Мстою и Ловатью. В этой пятине по описанию ее, составленному около 1495 г., упоминаются монастыри: *Спасский* при озере Селигере, тут жил один игумен; *Рождество-Богородицкий* в Молвятицком погосте (ныне Деманского уезда) с двенадцатью кельями; *Введенский* на реке Мояте во Влажинском погосте (в сорока верстах от Новгорода); *Рождество-Богородицкий* в Усть-Волмском погосте (ныне Крестецкого уезда); *Успенский* в городке Демани (ныне Деманск) и *Петровский* от Белого Костра. По описанию той же пятины 1581–1582 г., в ней существовали еще монастыри: *Вознесенский* или *Воскресенский* под Лютовою горою, на реке Нише с двенадцатью кельями, *Никольский* на озере Едрове с четырьмя кельями, *Спасский* на озере Городолюбле с семью кельями и *Никольский* на озере Боровне также с семью кельями³⁸.

Третья пятина — Шелонская, простиравшаяся на юг, юго-запад и северо-запад от Новгорода между реками Ловатью и Лугой, хотя по объему была несколько менее как Бежецкой, так и Деревской пятины, но заключала в себе более монастырей, нежели каждая из них. Только почти все эти монастыри были разорены и опустошены войском Батерия пред тем самым временем, как составлено (1581–1582) описание их и всей Шелонской пятины, до нас дошедшее.

В первом погосте Шелонской пятины — Паозерском, ближайшем к Новгороду, находился монастырь *Николаевский Перекомский*, или

Перекопский. Основателем его был преподобный Ефрем, который, постригшись в обители преподобного Саввы Вишерского, провел под руководством его 25 лет, а вскоре после его кончины (1462) удалился на западный берег озера Ильменя к устью реки Веренды и на берегу речки Черной поставил себе келью. С умножением числа братий он принял на себя сан священства и игуменства, построил храм Богоявления и каменный во имя святителя Николая, а чтобы доставить своей обители чистую воду, *перекопал* местность и провел проток из Веренды в озеро, отчего и названа обитель *Перекопскою*. В начале XVI в. она перенесена на другое, более возвышенное, место неподалеку от прежнего. С 1581 г., после разорения ее литовцами в ней жили только два старца, а 13 келий оставались пусты и церкви стояли без служения. Но вскоре за тем (около 1585 г.) монастырю этому выдавалась годовая руга на игумена и 18 человек братии. В том же, вероятно, погосте существовали еще два монастыря Шелонской пятины в окрестностях самого Новгорода, получавшие ругу: женский *Николаевский*, что в Голинах, и мужеский *Пятницкий Козмодемьянский* на Ивановгородской дороге, в котором числилось кроме игумена 15 старцев³⁹.

Во втором погосте той же пятины, Сутоцком, было два монастыря, оба разоренные литовцами: *Троицкий* на Видогощи и *Спасский* на Веренде, в котором жили только два старца, а тринадцать келий были выжжены. Точно так же были разорены литовцами монастыри: *Покровский* девич на реке Луге в Передольском погосте с четырьмя кельями; *Иоанно-Богословский* на озере Черменце в Петровском погосте с 16 кельями; *Введенский* девич на Шелони в Скнятинском погосте с 20 кельями; *Успенский* «новья пещеры» на реке Черной в Хмерском погосте с 8 кельями; *Троицкий* на озере Черном в Цирском погосте; *Спасский* на озере Сябере в Бельском погосте с семью кельями; наконец, *Христо-Рождественский* на реке Демянке в Михайловском погосте, здесь жили только три старца⁴⁰.

Известны еще монастыри Шелонской пятины: старорусские — *Николаевский* в урочище Кречеве (упоминается в 1572 г.) и *Спасский* в урочище Взваде; в городе Порхове — *Спасо-Преображенский* на посаде с четырьмя иноками и *Рождество-Богородицкий* женский за посадом; в Опоцком погосте — *Ильинский* на Шелони с тремя иноками да два ружные — *Успенский*, иначе *Феофилова пустынь*, на реке Омуче в Порховском уезде и *Покровский Пустошский* на юго-западном берегу Ильменя, близ села Пустоши с 24 братьями⁴¹.

Вотская пятина, простиравшаяся на север и северо-запад от Новгорода между реками Лугою и Волховом и затем Ладожским озером, была втрое обширнее Шелонской пятины и почти настолько же Деревской и Бежецкой. Потому неудивительно, если превосходила каждую из них и числом своих монастырей.

Два из этих монастырей находились близ самого Новгорода и оба пользовались ругою, именно: *Славский* во имя святого Симеона Богоприимца на реке Сплаве, или Плаве, и *Сырков* в честь Сретения чудотворной иконы Пресвятой Богородицы Владимирской на реке Ве-

ряжи, основанный около 1548 г. новгородским боярином Феодором Дмитриевичем Сырковым, который, будучи отправлен пред тем в качестве дьяка при нашем посольстве в ливонский город Колывань (ныне Ревель), дал обет построить этот монастырь, если совершит путь свой благополучно, и действительно построил с дозволения самого государя Иоанна Васильевича IV. Другие монастыри лежали дальше от Новгорода, но в Новгородском же уезде: *Никольский* в деревне Клинске Тесовского погоста, *Троицкий* над озером Тесовым в том же погосте, *Покровский* в Городенском погосте, *Троицкий* над озером Верхутном в Бутновском погосте и *Никольский* на левом берегу Волхова в Полишском погосте. Два предпоследние монастыря назывались монастырьками⁴².

В Старой Ладоге существовали монастыри: *Николаевский* на посаде, *Христо-Рождественский* там же, *Богородичный*, или Пречистенский, женский, *Иоанновский*^[84*] и *Симеоновский*. Близ Старой Ладogi на правом берегу Волхова — *Васильевский*. В Староладожском уезде: *Медведский Николаевский* на устье реки Волхова, получавший ругу на игумена и 30 человек братии. *Николаевский на Стороженском*, или Стороженская пустынь, у Ладожского озера с 30 человеками братства и *Троицкий Сенной*, или на сенном, у того же озера, считавшийся в числе ружных^{43 [85*]}.

В городе Орешке (ныне Шлиссельбург) были два монастыря: *Рождество-Богородицкий* на Лопской стороне и *Николаевский* на островке. В городе Кореле — четыре: *Воскресенский*, *Николаевский*, *Юрьев* и *Иоанно-Предтечев* на устье реки Узервы. В городе Копоре и его уезде — три: *Богородицкий* на посаде города, *Богородицкий*, или Елисеева пустынь, на реке Систе в Каргальском погосте и *Николаевский* женский на реке Суиде в Суидовском погосте. Наконец, в городе Яме (ныне Ямбург) — один: *Спасский* на посаде⁴⁴.

Обширнейшею из всех Новгородских пятин и самую богатою монастырями была пятиня Обонежская, тянувшаяся на север и северо-восток от Новгорода, с одной стороны, между рекою Волховом и Ладожским озером, а с другой — между озером Ильменем, реками Мстою и Мдою и вокруг всего Онежского озера.

В этой пятине вблизи Новгорода в недалгих расстояниях от него находились монастыри: *Козмодемьянский* близ Антониева монастыря на Всполье с пятью кельями, из которых две (в 1582 г.) были пусты; *Николаевский* на Холопьем городке, получавший ругу на 13 братьев; *Коломецкий Троицкий* на озере Ильмене, также получавший ругу, в котором в 1526 г. построена каменная церковь посадником Филиппом Бобровниковым; *Николаевский* на реке Вышере, на островке, с 12 кельями, из которых восемь были пусты, и *Горнитский*, или *Горнечный*, на озере Горнечне, в Коломенском погосте на Волхове⁴⁵.

В погостах, более отдаленных от Новгорода и близких к нынешнему городу Тихвину, равно как в самом Тихвине, существовали монастыри: *Спасский* на реке Пшовже в Петровском погосте, получавший ругу на восемь человек братии; *Стефановский Середокороткий* на той же

реке в Никольском погосте, получавший ругу на 22 человека; *Троицкий* на реке Ругуе в Воскресенском Липенском погосте с десятью кельями, из которых пять были пусты; *Спасский* на озере Оксуге, или Оксуйская пустынь; *Тихвинский Успенский*, основанный по повелению царя Иоанна Васильевича в 1560 г. на месте явления Тихвинской чудотворной иконы Богородицы и вмещавший в себя в 1582 г. сорок человек братии, в том числе трех иеромонахов и двух иеродиаконов; *Тихвинский Введенский* девич, получавший ругу на игуменью и десять старцев; *Тихвинский Николаевский*, старая пустынь близ Тихвина, получавший ругу на 17 человек; *Тихвинский Николаевский*, новая пустынь, получавший ругу на семь человек; наконец, *Троицкий* в новой пустыне на Тихвинской дороге, получавший ругу на игумена и 10 братий⁴⁶. Впрочем, этот последний монастырь был едва ли не один и тот же с Троицким монастырем на реке Ругуе.

Ближе к Ладоге и Ладожскому озеру лежали монастыри: *Гостинопольский Николаевский* на правом берегу Волхова у ладожских порогов с тридцатью кельями, из которых 25 были пусты; *Зеленецкий Троицкий*, или Зеленая пустынь, у тех же порогов на острове, называвшемся *Зеленым*, основанный преподобным Мартирием, который при помощи известного новгородского боярина Федора Сыркова (1570), построил в своей пустыни первый деревянный храм, а в 1582 г. еще игуменствовал в ней над двенадцатью старцами; *Троицкий* на реке Златыне; *Введенский* на реке Ояти, который в 1581 г. совершенно выжгли «немецкие люди», так что шесть человек братии жили за монастырем в пустоши на острове; *Ильинский* на Ояти, в котором все 16 келий были оставлены старцами по случаю набега тех же немецких людей; *Никольский* на Ояти, где десять келий заняты были иноками, а пять — нищими, стариками и старухами; *Троицкий* «монастырек владычен» на озере Сянзе, или Сяндоме, в Олонецком погосте, основанный иноком Афанасием на софийской земле по благословению Новгородского владыки Пимена (1553—1570) и потом принятый (1577) под особое покровительство владыкою Александром; *Андрусов Николаевский*, или Андреева новая пустынь, на берегу Ладожского озера в том же погосте, выжженный немцами, но около 1585 г. получавший ругу на 15 человек братии⁴⁷. Самым же замечательным монастырем в Олонецком крае был монастырь *Троицкий Александро-Свирский*, или Александрова пустынь, основанный преподобным Александром Свирским, который родился в этом же крае в селе Мандере на реке Ояти. На 26-м году своего возраста он постригся в Валаамской обители, провел там тринадцать лет и, возвратившись на родину в 1487 г., поселился в шести верстах от реки Свири при озере Рошинском. Семь лет он подвизался в совершенном уединении; потом, когда начали собираться к нему братья, он в 130 сажнях от своей хижины основал монастырь и построил церковь во имя Пресвятой Троицы, сперва деревянную, освященную в 1508 г., потом каменную, освященную в 1526 г., и скончался 85 лет от рождения в 1533 г.^[86*] В обители преподобного Александра, хотя и она была разорена шведами в 1581 г., вскоре затем числилось 86 человек

Прп. Александр Свирский. Икона. Кон. XVI в.

братства, в том числе шесть иеромонахов и два иеродиакона, а около 1585 г. в нее отпускалось руги на игумена и на 59 старцев⁴⁸.

Еще до семнадцати монастырей Обонежской пятины находились ближе к Онежскому озеру, на нем и вокруг него. Это были монастыри: *Николаевский* на реке Шакше, построенный игуменом Корнилием, который в 1583 г. еще начальствовал над одиннадцатью черноризцами; *Вознесенский* на устье реки Свири с 20 кельями, которые все пожгли немецкие люди; *Ильинский* в Рождественском погосте на реке Саре с девятью кельями и 15 братьями; *Благовещенский* на озере Яше с девятью иноками; *Николаевский* на озере Онеге, считавшийся еще новым в 1583 г. и имевший одиннадцать братьев; *Николаевский* на реке Шуе, в котором и церкви и все десять келий пожгли немецкие люди; *Климецкий Троицкий* на Климецком острове Онежского озера, основанный преподобным Ионою в 1532 г. и получавший руги на игумена и 19 старцев; *Палеостровский Рождество-Богородицкий*, общежительный на Палее острове Онежского озера, основанный преподобным Корнилием и получавший руги на игумена и 45 человек братии; *Машеозерский*, или Машина пустынь, на острове озера Маше в 15 верстах от западного берега Онежского озера, построенный при царе Иоанне IV; *Николаевский* на острове озера Котка к северо-западу от Онежского озера, имевший 22 кельи, из которых в пяти жили семь старцев,

*Прп. Александр Ошевенский.
Икона. Кон. XVII в.*

а в семнадцати — двадцать пять старцев; *Покровский* на реке Вытегре за Онежским озером, женский с двадцатью кельями; *Троицкий* на озере Лужанде с одиннадцатю кельями, построенный старцем Герасимом; *Николаевский* на реке Андоме, женский, в котором в пятнадцать кельях жили инокини, а в других пятнадцати — нищие, старики и старухи; *Спасский* на реке Шале, здесь в монастыре было десять келий для черноризцев, а за монастырем жили в пяти кельях черноризицы; *Александровский Ошевенский* на реке Чурьяге, в 44 верстах от Каргополя, основанный преподобным Александром Ошевенским, который родом был земледелец, сделался иноком в Кирилло-Белозерском монастыре, получил благословение на устройство своей обители и сан игуменства от Новгородского архиепископа Ионы (1459—1471) и, создав в ней церковь во имя святителя Николая, учредив общежитие, скончался на 52-м году своей жизни в 1479 г.; *Кенский Спасо-Преображенский*, или Пахомиева пустынь, близ озера Кени, в 50 верстах от Каргополя, основанный старцем Пахомием к концу XV в.; *Кожеозерский Богоявленский* на Кожеозере, на Лопском острове, в Каргопольском уезде, устроенный на правилах общежития старцем Серапионом^[87*] около 1560 г.⁴⁹

Пятины Новгородские не обнимали, однако ж, всех древних владений Новгорода и всего пространства Новгородской епархии. Вне пятин

Собор преподобных отцов псковского Спасо-Елеазарова монастыря.
Икона. XIX в.

находились: к юго-западу — Псковский край, к северу — Беломорский, к северо-востоку — Белоозерский, в которых также было довольно монастырей Новгородской епархии.

В самом Пскове в продолжение настоящего периода упоминаются до 14 новых монастырей. Восемь из них были мужские: *Покровский* в Углу (1465 и 1544 гг.), *Христо-Рождественский* (1466), *Пантелеймонов* на Красном дворе или на Красной улице (1468), *Дмитриевский* в Поле (1534), *Златоустов Медведев* на Сокольей улице (1539 и 1543 гг.), *Алексеевский* в Поле (1540), *Стефановский* с Лугу над Великою рекою (1546) и *Николаевский* на Лубятове (1570). А шесть женских: *Воскресенский* со Стадища на Запсковье (1458), *Ильинский* на Запсковье (1465), *Параскевинский Пятницкий* в Бродах на реке Пскове (1534), *Иоакима и Анны* с Полонища (1544), *Варваринский* из-за Петровских ворот (1566) и *Сретенский Александров* (1566)⁵⁰.

В области Псковской во 2-й половине XV в. возникло несколько монастырей, известных и не по одному только имени. Первым между ними по времени был *Трехсвятительский Елеазаров*, так названный по имени основателя своего преподобного Ефросина, в миру Елеазара. Этот преподобный родился от поселян недалеко от Пскова, принял пострижение в Снетогорском монастыре, откуда чрез несколько времени

переселился в пустынное место в 25 верстах от Пскова, на берегу реки Толвы близ Псковского озера (в 1425 г.). Сначала Ефросин подвизался здесь один, потом с иноком Серапионом, а когда число братий умножилось, то построил для них кельи и храм во имя трех святителей (около 1450 г.), ввел в своей обители общежитие, поручил управление ею ученику своему Игнатию, не желая сам быть игуменом, и скончался 95 лет от роду 15 мая 1481 г. Под руководством преподобного Ефросина воспитались достойные его ученики, которые основали особые обители. Один из них, преподобный Иларион, основал монастырь *Покровский Озерский* на берегу реки Желчи в уезде города Гдова, тогда пограничной крепости псковской, и скончался в 1476 г. Другой, преподобный Досифей, основал монастырь *Петропавловский Верхнеостровский* на Псковском озере и скончался в 1482 г. Третий, преподобный Савва^[88*], основал монастырь *Иоанно-Богословский Крыпецкий* в 15 верстах от реки Толвы и монастыря Елеазарова, в урочище Крыпцы, учредил в своей обители строгое общежитие и скончался в 1487 г. Около того же времени получил начало и монастырь *Псково-Печерский* в 56 верстах от Пскова на границе Лифляндии^[89*]. Здесь, в горе над потоком Каменцем, покрытой лесом, случайно открыли дровосеки пещеру, в которой оказался гроб отшельника Марка, еще прежде в ней подвизавшегося и не раз виденного вблизи этих мест звероловами. Слух об открытой «богозданной пещере» распространился быстро, и многие приходили видеть ее. В числе других приходил и некто Иоанн, который два с половиною года был священником православной церкви святого Николая в Юрьеве Ливонском, но потом вследствие притеснений от латинян нашелся вынужденным удалиться в Псков. Иоанну очень понравилось уединение пещеры, и он, взяв из Пскова жену и двух детей своих и приютив их у владельца земли, на которой находилась пещера, сам начал раскапывать в ней место для церкви. Вскоре за тем, похоронив в пещере жену свою, которая пред смертью постриглась в монашество под именем Вассы, Иоанн поспешил и сам принять пострижение с именем Ионы и совсем переселился в пещеру. Церковь его пещерная по благословению Новгородского владыки Феофила освящена 15 августа 1477 г. в честь Успения Божией Матери, а чрез три года он мирно почил о Господе. Дело, начатое Ионою, продолжал священноинок Мисаил: он построил другую церковь — не в пещере, а на горе во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских и вокруг церкви кельи для братий. Но эта юная обитель скоро была разорена лифляндцами и не прежде как с 1519 г. начала устроиться вновь благодаря усердию псковского великокняжеского дьяка Мисюря Мунехина. Он своею казною раскопал горы по обе стороны потока, построил на расчищенном месте между горами новые монастырские кельи, распространил и углубил самую пещеру и создал в ней, кроме существовавшей — Успенской, — другую, великую церковь во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских взамен бывшей на горе. С того времени введены в монастырь общежитие и порядок по образцу Киево-Печерской лавры; в монастырь этот начало стекаться ежегодно на праздники множество

*Собор в честь Успения Пресвятой Богородицы
Псково-Печерского монастыря. XVI–XIX вв.*

богомольцев, и он сделался славным не только во всей Литве, но и в странах соседних⁵¹.

В XVI столетии мы видим в Псковском крае еще следующие монастыри: *Троицкий Сергиев* в предместии Великих Лук, неизвестно когда основанный, но теперь, после долговременного запустения, восстановленный (около 1550 г.) иноком Козмодамианского монастыря Боголепом при помощи благочестивых людей; *Николаевский* близ Себежа, сожженный ливонцами в 1559 г.; *Николаевский* в Опочке, (упоминается около 1560 г.); *Николаевский* на реке Зарезинце в Прудской Засаде и *Троицкий Кудин* в погосте Кудине Торопецкого уезда, которые оба упоминаются в 1566 г.; *Святогорский Успенский* в сорока верстах от города Опочки, основанный по случаю явления чудотворной иконы Божией Матери^[90*] (в 1569 г.) на высоком хребте гор, которые издревле назывались *Синичими*, а теперь прозваны *Святыми*; *Демьянский Рождественский* на устье реки Демьянки, упоминается около 1570 г.; *Крестовоздвиженский* в пригороде Выборе и *Варваринский* женский в том же пригороде, разоренные войсками Батория в 1581 г. Упомянем, наконец, и о пустыне *Никандровой Благовещенской* в Порховском уезде, где долгое время подвизался

*Иконостас собора в честь Успения Пресвятой Богородицы
Псково-Печерского монастыря. XVII—XIX вв.*

только один пустынный — преподобный Никандр, постриженник Крыпецкой обители, а уже по смерти его начал с 1585 г. устроиться монастырь трудами инока Исаии⁵².

В Беломорском крае первое место между обителями занимала обитель *Соловецкая*. Основание ей положили еще к концу прошлого периода (1429—1436) два святых старца — Герман и Савватий, но только ж основание. А истинным создателем ее должно признать по всей справедливости преподобного Зосиму, который, особенно в продолжение 26-летнего игуменства своего (1452—1478), умножил в ней число братства, устроил новые и более обширные церкви, кельи и прочие монастырские службы, учредил общежитие и весь внутренний порядок, обеспечил средства для ее содержания. Потом лучшим временем для этой обители было время 18-летнего игуменства (1548—1566) святого Филиппа, впоследствии митрополита Московского, которого труды как для внутреннего ее устройства, так и для внешнего благосостояния нам уже известны. Вскоре после Соловецкой обители основана обитель *Богословская* на реке Ваге, в 15 верстах от нынешнего Шенкурска новгородским посадником Василием Степановичем Своеземцевым, который в 1452 г. пожертвовал ей три своих села, а затем и сам

постригся в ней под именем Варлаама и скончался в 1462 г. Впоследствии, с 1543 г., она начала получать от царя ругу и имела до 30 человек братства. С XV же века делается известным монастырь *Николаевский* на Северной Двине около Холмогор в Чухченемской волости, продолжавший существовать и в 1582 г.⁵³

В 1-й четверти XVI столетия получил начало монастырь *Антониев Сийский*. Строителем его был преподобный Антоний, в мире Андрей, сын земледельца Двинской волости, деревни Кехты. В 1508 г., будучи тридцати лет, он принял пострижение в Кенской Пахомиевской пустыни от самого Пахомия и чрез несколько времени с благословения его основал было (1513) свою небольшую пустынь на реке Шелексне, где и прожил с шестью братьями семь лет. Но вследствие притеснений от соседних поселян оставил это место и перешел со всею своею братиею на реку Сию, в Холмогорский уезд и поселился (1520) близ озера Михайлова. Когда число иноков увеличилось, Антоний испросил у великого князя Василия Иоанновича дозволение построить на занятом месте обитель и, получив от князя не только грамоту, но и церковную утварь, соорудил на острове обширный храм Святой Троицы и кельи, согласился принять на себя начальство над обителию и в продолжение 37 лет игуменства своими трудами и особенно высоким примером своего подвижничества утвердил в ней строгий порядок и благочестие († 1556). Чрез 20 лет после смерти преподобного в монастыре его обитало до 8 человек братии в двадцати кельях. Около половины XVI в., как мы знаем, устроены два монастыря просветителями лопарей: преподобным Феодоритом — *Троицкий* на устье реки Колы и преподобным Трифоном — *Троицкий* на реке Печенге. По благословиению митрополита Дионисия (1581–1587) открыта *Чирцова* пустынь в 53 верстах от города Мезени. Около того же времени существовали еще два монастыря на самом дальнем севере у Белого моря: *Кокуев* (или *Кукуев*) при устье реки Порьи и *Кандалажский* на восточном берегу Кандалажской губы при устье реки Нивы⁵⁴.

Белозерский край, где процветала лавра преподобного Кирилла Белозерского, украсился теперь новыми обителями, более или менее замечательными. В этой самой лавре постригся некто Нил, по фамилии Майков. Чрез несколько времени он отправился на восток с учеником своим Иннокентием и, посетив многие обители на Афоне, в странах цареградских и других местах, наиболее полюбил «скитское житие». А потому решился по возвращении в отечество подвизаться и сам поскитски. Сначала он устроил было себе уединенную келью вблизи Кирилова монастыря, но вскоре удалился на реку Сору, или Сорку, в 25 верстах от Белозерска, на место низменное и болотистое и там поставил для себя небольшую хижину и часовню. Приходивших к нему для сожителства принимал, но с условием, чтобы и они жили скитниками. Для пропитания их он построил на Соре мельницу, для того чтобы они, подвизаясь ежедневно только в своих кельях, могли во дни воскресные и праздничные собираться вместе на молитву, построил деревянный храм, сделав для него высокую насыпь, а для руководства братии

*Боголюбская икона Пресвятой Богородицы
с припадающими преподобными отцами Соловецкими. 1545*

*Прп. Антоний Сийский.
Икона. 1-я треть XVII в.*

в духовной, подвижнической жизни написал подробный «Устав скитского иноческого жития» по образцам восточных скитских уставов^[91*]. Таким-то образом основался *Нилов скит*, или пустынь преподобного Нила Сорского, прославившийся не богатством или многолюдством братии, а строгостью устава и высотой отшельнических подвигов своего основателя. Братии здесь было немного: вскоре по смерти преподобного Нила (1508) мы видим в его ските только одного иеромонаха, одного иеродиакона и 12 старцев. Кроме Нилова скита в Белозерской стране к концу XV в. упоминается еще новый монастырь — *Никитский*, находившийся на правом берегу реки Шексны, в десяти верстах от города Кириллова⁵⁵.

В XVI столетии появилось в той же стране шесть обителей, и между ними три одолжены были бытием своим трем ученикам преподобного Корнилия Комельского. Один из них, Кирилл, происходил из города Галича от дворян по фамилии Белых, принял пострижение от самого Корнилия, под руководством которого и проходил разные послушания в обители; потом несколько лет странствовал по пустыням севера и подвизался в уединении; наконец, в 1517 г. в тридцати верстах от Белозерска, на Красном острове Новаозера основал монастырь, известный под именем *Кириллова Новаозерского*, где после многолетних трудов и скончался (1532). Другой Филипп, в мире Феофил, также

*Прп. Нил Сорский.
Икона. 1908*

постриженник самого Корнилия, проведши 15 лет в его обители и несколько времени в странствованиях по пустыням, избрал себе место для подвигов в 45 верстах от Череповца на реке Андоге, в Красном бору, между Большим и Малым Ирапом и положил начало пустыни, которая по смерти его (1538) начала называться *Красноборскою*, *Филиппо-Ирапскою*. Третий, Иларион, после кончины своего наставника Корнилия (1537) перешел в Белозерскую страну к Илу-озеру в 30 верстах от Белозерска и, купив у одного поселянина остров, находившийся на этом озере и называвшийся Озадским, построил на нем кельи и храм в честь Рождества Богоматери и тем положил начало пустыни, названной по смерти его (1544) *Иродионовою*, *Илозерскою*, *Озадскою*. Три остальные обители XVI в. в Белозерской стране были: *Воронина Успенская* пустынь в 13 верстах от Череповца, основанная в 1524 г. по благословению митрополита Даниила монахом Марком Вороною на месте явления чудотворной иконы Божией Матери и состоявшая постоянно в ведении Московских митрополитов; монастырь *Горицкий Воскресенский* девич на левом берегу Шексны, в шести верстах от города Кириллова, построенный в 1544 г. иждивением удельного князя Андрея Ивановича старицкого и его супруги Евфросинии Владимировны, в иночестве Евдокии; наконец, *Мирзин Покровский*, упоминаемый в одной духовной грамоте 1570 г.⁵⁶

*Прп. Кирилл Новозерский.
Икона. XIX в.*

Нам остается обозреть края Вологодский и Пермский, которые с 1492 г. составили уже одну епархию. И в прежнее время мы видели здесь до 20 обителей; теперь их появилось еще более. Кроме *Печерской Троицкой* пустыни, устроенной на реке Печоре Пермскими епископами в XV в., но неизвестно в каком году, и монастыря *Рабанского Преображенского*, основанного преподобным Филиппом в 32 верстах от Вологды на реке Рабанге в 1447 г., т.е. пред самым началом настоящего периода, во 2-й половине XV столетия возникли в этих краях следующие монастыри и пустыни: *Борисоглебский*, существовавший в Вологодском уезде прежде 1479 г.; *Рябинина* пустынь, основанная около 1485 г. в 60 верстах от Вологды на правом берегу реки Масляны; *Печенгский Спасский* на реке Печенге, в 20 верстах от Вологды, основанный в 1492 г. преподобными Авраамием и Коприем; *Устюжский Преображенский*, упоминаемый в Устюге в 1493 г.; *Борисоглебский* в Сольвычегодске, построенный до 1498 г.; *Перцова*, или *Персова*, *Троицкая* пустынь в 35 верстах от Вологды, основанная в 1499 г. преподобными Авксентием и Онуфрием; *Иннокентиев Преображенский*, названный по имени преподобного Иннокентия, который был из фамилии бояр Охлебининых, постригся в Кирилло-Белозерском монастыре, долго странствовал с преподобным Нилом Сорским по восточным обителям, жил потом несколько времени в его Сорском ските и наконец

*Монастырь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы
(Корнилиев Комельский). Литография. 1881*

в последние годы XV столетия основал свой общежительный монастырь на реке Еде в 50 верстах от Вологды⁵⁷.

К концу XV, а более в начале XVI в. устроился и самый замечательный из тогдашних монастырей Вологодского края — *Корнилиев Комельский*. Преподобный Корнилий происходил из Ростова от богатых и знатных родителей, по фамилии Крюковых. С юных лет постригся и проходил разные послушания в Кирилло-Белозерском монастыре, потом странствовал по другим обителям, жил в какой-то пустыне близ Новгорода, в пустыне Савватиевой близ Твери, и наконец в 1497 г. пришел в комельские леса, тогда еще глухие и непроходимые, и здесь, в 45 верстах от Вологды, поселился в случайно найденной разбойничьей хижине для уединенных подвигов. Через четыре года мы видим на этом месте уже «пустыньку» и в ней храм Введения Пресвятой Богородицы, для которого митрополит Симон рукоположил (1501) во священника самого Корнилия. Когда число братьев умножилось, он построил (1517) для них новый храм, более обширный, и новые кельи, написал для своей обители весьма подробный общежительный устав, завел в ней строгий порядок, а для больных и странников поставил больницу и странноприимный дом. После этого, поручив управление монастырем двенадцати старцам, избранным из среды братства, сам отошел с одним учеником своим, Геннадием, в костромские леса на

*Прп. Феодосий Тотемский.
Икона. Кон. XVIII в.*

Сурское озеро и положил там основание новому монастырю, который впоследствии начал называться Геннадиевым^[92*]. В 1531 г. великий князь убедил было преподобного Корнилия снова принять начальство над Комельскою обителию, но он вскоре оставил ее в другой раз и переселился на покой в Кирилло-Белозерский монастырь. И хотя комельские иноки упросили старца возвратиться к ним, но он уже не принял на себя игуменства, а подвизался уединенно до самой своей кончины (в 1537 г.). После кончины преподобного в основанной им обители было до 90 человек братии и некоторые из его учеников, как мы видели, сделались основателями других обителей⁵⁸.

В 1-й половине XVI в. появились еще в Вологодском крае монастыри: а) *Озерский Николаевский Комельский* — в 35 верстах от Вологды, на восточном берегу озера Комельского, основан преподобным Стефаном Комельским по благословению митрополита Даниила (1522–1539); б) *Ефремов Спасо-Николаевский* — в 80 верстах от Тотмы, при слиянии рек Режи и Ваги, построен старцем Ефремом по разрешительной грамоте великого князя Василия Иоанновича (1505–1533) и с благословения Ростовского архиепископа, к епархии которого Тотма тогда принадлежала; в) *Сямский Рождественский* — в 60 верстах от Вологды, на западном берегу Кубенского озера, построен жителями Сямской волости в 1524 г. по благословению Вологодского епис-

копа Пимена; г) *Арсениева* пустынь — в 40 верстах от Вологды на реке Масляна и д) *Арсениев* монастырь в 25 верстах от Вологды, при слиянии рек Лежи и Кохтыжи — обе эти обители, одна за другою, основаны около 1530 г. преподобным Арсением Сухарусовым^[93*], который прежде был игуменом Сергиевой лавры (1525—1527); е) *Катромский Николаевский* при озере Катромском в 104 верстах от Вологды, основан неизвестно когда преподобным Онуфрием, но упоминается в 1532 г.; ж) *Коряжемский Николаевский* близ устья реки Коряжмы в 15 верстах от Сольвычегодска, основан в 1535 г.^[94*] преподобными Логгином и Симоном; з) *Сойгинская Преображенская* пустынь при устье реки Сойги в 75 верстах от Сольвычегодска, основана в 1540 г. тем же самым преподобным Симоном, который был сотрудником преподобному Логгину при устройении Коряжемского монастыря; и) *Черниговский Предтечев* на устье речки Черной, в бывшем городке Чернигове близ Сольвычегодска, в 1546 г. сгорел, а в 1586 г. в нем жили только один иеромонах и два монаха⁵⁹.

Из монастырей 2-й половины XVI в. в обозреваемых нами местах известны: а) *Телегов Троицкий* в 70 верстах от Устюга к северу по Двине, построен в 1553 г. преподобным Нифонтом; б) *Тотемский Спасо-Суморин* близ города Тотьмы, основан преподобным Феодосием Сумориным^[95*] в 1554 г. по просьбе местных жителей с разрешения царя Иоанна Васильевича и благословения митрополита Макария и имел пред кончиною своего основателя только девять келий; в) *Христофорова Богородицкая* пустынь в 27 верстах от Сольвычегодска, в верховье речки Коряжемки, открыта около 1555 г. преподобным Христофором, постриженцем Коряжемского Николаевского монастыря; г) *Пыскорский Преображенский* при устье речки Пыскорки, впадающей в Каму, и д) *Сольвычегодский Введенский* в самом городе Сольвычегодске — первый построен в 1560 г. знаменитым родоначальником фамилии Строгановых — Иоанникием Федоровичем, в монашестве Иоасафом, а последний — детьми этого Иоанникия, Иаковом, Григорьем и Симеоном, в 1563 г. с благословения Ростовского архиепископа Никандра; е) *Кобылкин Дмитриевский* в Вологде или близ Вологды, упоминается в 1568 г.; ж) *Маркушевский Николаевский*^[96*] на реке Маркуше в 100 верстах от Тотьмы к северо-востоку, основан в 1578 г. преподобным Агапитом, спостником преподобного Логгина Коряжемского, испросившим у царя Иоанна Васильевича несколько земли на содержание своей обители, а у митрополита Кирилла — благословение на освящение в ней двух церквей; з) *Трифонов Успенский* при городе Вятке, на берегу реки того же имени, построен в 1580 г. постриженником Пыскорского монастыря преподобным Трифоном на иждивение местных граждан, которые исходатайствовали для того грамоту у царя Иоанна Васильевича⁶⁰.

III

Из сделанного нами подробного обозрения монастырей Московской митрополии довольно уже ясно открывается, какие были главные

причины основания этих монастырей и от чего зависела их поразительная многочисленность.

Некоторые из тогдашних монастырей, впрочем весьма немногие, были вызваны к бытию сознанием их потребности и пользы для известного края и местности. Просветители лопарей, Феодорит и Трифон, основали каждый по монастырю с тою целью, чтобы эти обители служили не только для поддержания, но и для дальнейшего распространения христианства между дикарями. С тою же самую целью по распоряжению самого правительства устрояемы были монастыри в царстве Казанском и Астраханском, когда они были покорены России. Жители города Тотьмы, а потом жители Вятки писали к царю Ивану Васильевичу, что у них вовсе нет монастырей и если кто пожелает постричься, особенно в старости и при смерти, то постричься негде, а потому у них настоит в монастыре великая нужда, и вследствие этой нужды царь разрешил построить монастыри — в Тотьме Спасо-Суморин, а в Вятке Трифонов Успенский⁶¹.

Другие монастыри были воздвигнуты в благодарность Богу за Его милости, иногда по обету, и в память явления чудотворных икон. Так, великий князь Василий Иоаннович основал Новодевичий монастырь по взятии Смоленска; царь Иоанн Васильевич — монастыри: Феодоровский в Переяславле Залесском по случаю рождения сына Феодора и Благовещенский в Муроме по взятии Казани¹⁹⁷¹; новгородский боярин Сырков построил монастырь, известный под его именем, после благополучно совершенного путешествия в Колывань; именитый Строганов соорудил монастырь Пыскорский в знак благодарности Богу за полученные от царя Иоанна Васильевича вотчины. Тихвинский Успенский монастырь основан в память явления чудотворной иконы Божией Матери Тихвинской; Святогорский Псковский — по случаю явления иконы Божией Матери на горе Синичьей; Воронина пустынь близ Череповца — также по случаю явления чудотворной иконы Божией Матери на том самом месте.

Довольно монастырей было основано благочестивыми иноками единственно по чувству благочестия, по ревностному желанию найти себе и дать другим надежный приют для строгой монашеской жизни и подвигов. Припомним монастыри Пафнутия Боровского, Иосифа Волоколамского, Даниила Переяславского, Макария Колязинского, Герасима Болдинского, монастыри: Александра Свирского, Елеазара Псковского, Зосимы Соловецкого, Антония Сийского, Нила Сорского, Корнилия Комельского и других святых мужей, которые самую свою жизнь и трудами, самым устройством и нравственным процветанием своих обителей доказали, что не имели в виду при устройении их ничего другого, кроме благочестия.

Но самая большая часть наших тогдашних обителей были основаны едва ли не потому только, что устроить их было так легко и никому не возбранялось, едва ли не по одному увлечению основателей примером других, не по одному господствовавшему направлению в монашеском мире. Всякий инок вскоре после своего пострижения в каком-либо

монастыре уже начинал мечтать, как бы удалиться в пустыню, как удалялись другие, как бы основать свой особый небольшой монастырек или пустыньку. И действительно, едва представлялась возможность, уходил в дремучий лес или другое безлюдное место — а таких мест тогда, особенно на севере России, было весьма много — ставил себе небольшую келью и часовню. К нему присоединялись иногда еще два-три инока, строили себе кельи, иногда небольшую церковь — и вот являлся монастырек или пустынь. Случалось, что первый жар и увлечение проходили, и строители монастырей отправлялись скитаться по миру с иноками для собирания милостыни на свою обитель, обращались к самому царю просить земли и руги и все собранное издерживали на свои прихоти, а церкви, ими основанные, оставались пусты, без пеня. Случалось, что подобные монастыри существовали год, два, три или закрывались со смертью своих основателей. Случалось, что иноки заботились об устройении себе отдельных пустынь для того только, чтобы жить на своей воле, не подчиняться никаким монастырским правилам, каков был, например, старец Александр, на которого вынуждены были жаловаться царю братия Кирилло-Белозерского монастыря⁶². Эта страсть наших черноризцев уходить в пустыни и открывать новые монастыри заметна была еще в монгольский период, но не доходила до крайностей, как теперь. И неудивительно, если даже поселяне и землевладельцы, при всем тогдашнем уважении к монашеству, не всегда дружелюбно относились к таким пустынноикам, напротив — старались вытеснять, удалять их из своих мест, а иногда даже умерщвляли⁶³.

Много у нас числилось монастырей, но что это были за монастыри? В большей части из них жило по два, по три, по пяти и до десяти иноков; в других — от десяти до двадцати⁶⁴, а таких, в которых число братий простиралось от 20 до 50, мы можем указать едва десять⁶⁵. Таких же, где число это восходило выше 50, нам известно еще менее. И именно: в Боровском Пафнутиевом при жизни основателя находилось до 95 иноков; в Иосифовом Волоколамском — иногда 100, а иногда 130; в Данииловом Переяславском — от 55 до 70; в Болдином Герасимовом при жизни основателя — до 140; в Александро-Свирском — от 59 до 86; в Антониевом Дымском — до 55; в Корнилиевом Комельском — до 90 и в Антониевом Сийском — до 73⁶⁶. Не знаем, насколько справедливы свидетельства иностранцев о Троице-Сергиевой лавре, будто в 1-й четверти XVI в. в ней находилось 300 иноков, а под конец настоящего периода даже до 700, кроме слуг⁶⁷. Но в монастыре Кирилло-Белозерском, одном из самых главных и богатейших наших монастырей того времени, число братий едва ли не ограничивалось иногда лишь несколькими десятками⁶⁸. Потому-то многие монастыри вследствие своей малолюдности и скудости во всем не в состоянии были существовать самостоятельно, а считались только *приписными* к другим монастырям, большим, от которых получали и настоятелей и нередко самые средства к жизни, а некоторые иногда доходили до совершенного упадка⁶⁹. Значит, при множестве монастырей нельзя сказать, чтобы у нас было тогда слишком много и монахов. Вместо четырехсот тогдашних обителей их

оказалось бы, может быть, сорок или пятьдесят, если бы все их жильцы были соединены в такие общежительные обители, какие существуют ныне, в сто, двести, триста человек и более.

К сожалению, общежитие как-то мало прививалось в наших монастырях. Когда преподобный Иосиф Волоколамский (в 1478 г.) обходил эти монастыри, то заметил, что даже лучшие из них, основанные преподобным Сергием Радонежским и его учениками на правилах общежительных, уже клонились «к лаврскому обычаю», т. е. обычаю, по которому каждый инок живет особо, сам собою. В монастыре Саввы Тверского по смерти его избран был такой игумен, который сам ниспровергал его общежительные уставы, к прискорбию братии. Даже в Кирилло-Белозерском монастыре, которого обычаи более всех понравились преподобному Иосифу, было несколько игуменов сряду, нарушавших предания и законы преподобного Кирилла, вопреки всем преданиям достойных иноков. Из новых монастырей преподобный Иосиф упоминает только об одном общежительном — о монастыре преподобного Макария Колязинского⁷⁰. Любя всюю душою общежительный порядок в обителях, сам Иосиф основал свой монастырь на началах строгого общежития, но в других местах нашел себе немного подражателей. Нам известны общежительные монастыри (не говорим о многих, прежде основанных) только: в Переяславле Залесском — Даниилов, где введено было общежитие по воле великого князя Василия Иоанновича, в Смоленском крае — основанные преподобным Герасимом Болдинским, в Псковском — Елеазаров, Печерский и Саввы Крыпецкого, в Вологодском — Иннокентиев Преображенский и Корнилиев Комельский, в пятине Обонежской — Александро-Свирский и Александровский Ошевенский, на Белом море — Соловецкий. О других монастырях настоящего периода, по крайней мере, не сохранилось прямых известий, что они были общежительными, хотя это очень вероятно в отношении к некоторым из них. Особенно заметен был недостаток общежития в новгородских монастырях при их многочисленности. Там, по словам местного летописца, только «великие монастыри», и всего только четыре: Юрьев, Хутынь, Вяжецкий и Отенский — существовали общинами и по чину, а в прочих монастырях иноки жили каждый особо, и ели каждый в своей келье, и обременены были всякими житейскими попечениями. Вследствие чего даже в лучших монастырях было лишь по шести и по семи чернецов, а в других по два и по три. И вот архиепископ Макарий обратился к великому князю Василию Ивановичу с просьбою показать ревность о честных монастырях новгородских и, получив от князя повеление, созвал (в 1528 г.) к себе настоятелей монастырей, где не было общины, и убеждал завести ее. Слова архипастыря подействовали: игумены начали с того времени устроить общежитие каждый в своей обители не только в Новгороде, но по окрестным городам Новгородской архиепископии. А вслед за устройением общежития начало увеличиваться в обителях и число братий: где было прежде два или три, там явилось теперь двенадцать и пятнадцать, а где было шесть или семь, там — двадцать, тридцать, даже сорок и более. Лето-

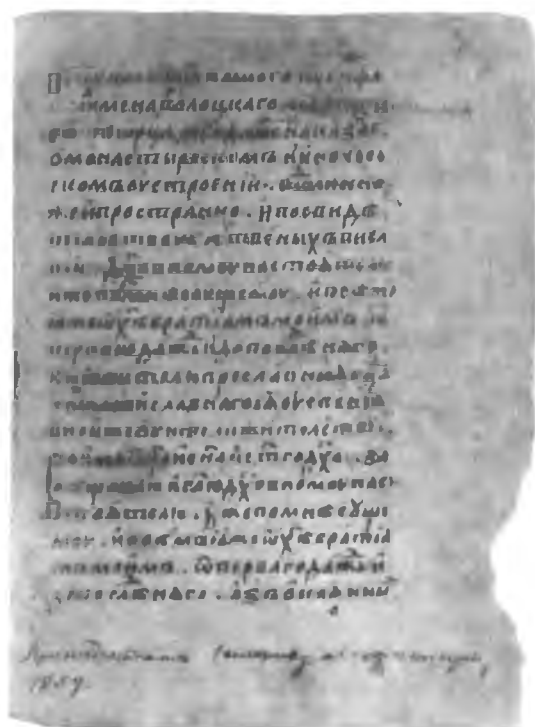
*Церковь в честь Сретения Господа Иисуса Христа
Антониева монастыря в Новгороде. 1537*

писец перечисляет вокруг одного Новгорода шестнадцать монастырей, которые приняли тогда общежитие, и монастырей известнейших, в том числе: Антониев, Деревяницкий, Аркаж, Колмов, Волотов, Сковоротский, Нередицкий, Перынь. Впрочем, даже теперь, несмотря на все убеждения владыки Макария, нашлись два игумена «именитых монастырей» — Николаевского в Неревском конце и Христо-Рождественского на Поле, которые не захотели устроить у себя общины, хотя имели к тому полную возможность⁷¹. А с другой стороны, и в монастырях, принявших теперь общежитие, едва ли во всех утвердилось оно надолго: по крайней мере, о Сковоротском известно, что в 1582 г. в нем было только три кельи и жило три старца⁷². Надобно присовокупить, что не в одном Новгороде и Новгородской епархии, а и в самой Москве и во всех городах, как свидетельствовал царь Иоанн Васильевич на Стоглавом Соборе, существовали такие же малолюдные монастыри с двумя-тремя черноризцами, называвшиеся *особными*, или *особь суццими*, в противоположность общим, или общежительным⁷³. И сохранилось послание к этому самому государю каких-то неизвестных иноков^[98*], которые умоляли его завести общежитие в монастырях, находившихся в окрестностях Москвы по образцу монастырей Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского и Колязина⁷⁴.

Уставы общежития, существовавшие в тогдашних наших монастырях (а таких уставов дошло до нас пять), все сходны между собою в общих чертах, равно как и с прежними такими же уставами. Они говорят о поведении иноков в церкви, трапезе, в кельях, на послушаниях, об одежде иноков, их отношении к игумену, суде над ними и подобное. Но при всем сходстве с другими каждый устав имеет и свои особенности. Самый древний из этих уставов написан около половины XV в. преподобным Ефросином Псковским для основанной им обители, и написан не в форме кратких и сухих правил, а в форме обширного наставления, в котором старец от собственного лица обращается к своей братии и подтверждает или раскрывает излагаемые правила то текстами Священного Писания, то постановлениями Соборов, то изречениями святых отцов-подвижников⁷⁵. Мы изложим сущность этих правил с возможною краткостью. «Вот я, грешный инок Ефросин, — так начинает он собственно устав свой после довольно обширного предисловия, — пишу вам, братия мои: со времени построения нашей церкви да будет у нас монастырь общий. Монахи не должны иметь ничего своего, но все свое должны отдать во власть монастырю. Не должно ни есть, ни пить как только в трапезе, кроме случаев тяжелой болезни. В игумена изберите себе человека благоразумного, духовного и «богарадного», который бы желал служить единственно Богу и святой Церкви, а не заботился иметь что-либо лишнее против братии, ни риз более светлых и мягких, ни пищи более вкусной. Игумен пусть будет не только учителем, но и образцом для своего стада по святости жизни. Игумену предавайтесь и покоряйте свою волю: послушание есть вторая лестница на небо и выше поста и пустынного подвига. Со смирением и любовью служите игумену и своей братии и ни в чем не ленитесь. Пьянства безмерного и всякого бесчиния отнюдь да не будет между вами. Женщины да не входят никогда в нашу обитель. Равно не принимайте в обитель и детей и вообще «голоусых» под предлогом учить их книгам или иметь своими прислужниками, а трудитесь сами. Бани вовсе не должно быть в обители, чтобы никто из иноков, кроме великой болезни или нужды, не обнажал своего тела и даже сам не видел его. Одежду и обувь получайте от игумена или от иконома, кто будет держать монастырскую казну; одежду имейте обыкновенную сермяжную, а не из немецких сукон и шубы носите бараньи, без пуха. В церковь спешите тотчас, как только услышите клепание, чем бы кто ни занимался, и поспевайте к самому началу службы, ибо, если и целую ночь простоишь на молитве в келье своей, это не сравняется одному «Господи, помилуй» на общей молитве. И не выходите из церкви до самого отпуста, кроме нужды. Да поют же в церкви с тихостию и разумно, а не козлогласованием. На службу ли куда пошлет игумен какого-либо инока, пусть идет без всякого послушания, с молитвою и благословением. А без благословения игумена не ходить никуда, даже по своим делам. Если кто начнет противоречить игумену и воздвигать свары, такого запереть в темницу, пока не покается. А непокорливого мниха по первом, втором и третьем наказании изгонять вон из обители и не отдавать ему ничего, что было внесено им

в обитель, так как он по своей воле отдал имение свое Богу, и Церкви, и братии, и оно уже не его, но церковное. Смотрите, чтобы в нашей обители не было вкупа, ни урока, как бывает в других обителях, когда, делая вклад на обитель, говорят: «Я свое ем и пью», и не хотят ни в церковь ходить, ни в келье своей молиться прилежно. Игумен должен смотреть, какого человека принимать в обитель: принимайте смиренного, кроткого, тихого и терпеливого, и то не вдруг, а после трех лет искуса или более; такой человек дороже золота и серебра. Когда придут к вам странники, иноки ли или миряне, заботьтесь их принять и упокоить. Каждый странник может оставаться у вас три дня, и не принуждайте его ни на какое дело, не скажите ему тяжкого слова. А отпуская, дайте страннику милостыню по силе. Придет ли кто из мирских властей к вам, воздадите всякому свое. Придет ли какой ловец или работник и станет просить хлеба, дайте, сколько потребует, а захочет купить на деньги, денег отнюдь не берите. О прочих же добродетелях — так заключает свой устав преподобный Ефросин — смотрите в уставах Василия Великого — равностоятеля апостолов, Афанасия святого — Божия жилища, Григория Богослова — непобедимого воина Христова, велегласного Лествичника — духовных степеней утвердителя и в преданиях многих других богоносных отцов нашему иноческому чину». По началу Ефросинова устава можно догадываться, что он написан преподобным вскоре после основания им обители, как только построена была в ней церковь. Под конец жизни те же правила старец повторил вкоротке и в своем завещании братии⁷⁶. Нельзя не заметить, что некоторыми чертами этот устав напоминает правила Снетогорского монастыря, в котором Ефросин был пострижен⁷⁷.

Другой общежительный устав составлен преподобным Иосифом Волоколамским, который назвал его своею «Духовною грамотою», потому что написал уже под конец своей жизни в виде завещания братии, как показывают следующие самые начальные слова предисловия: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, завещаваю и являю духовному настоятелю, иже по мне сущему, и всем, яже о Христе, братьям моим, от первого даже до последнего, аз, окаянный и недостойный Иосиф игумен, противу моея силы, Христовы ради любви и спасения моего и всех о Христе братий моих; и еще жив сый изложих сия написана, яко да, и сушу ми и по моем отшествии, хранити сия. Лета убо к старости приближишася и смертная чаша уготовляется; впадох убо во многия и различныя болезни...» и пр. Устав Иосифа — сочинение весьма обширное, разделен на 14 глав неравной величины и заключает в себе три отдельные устава, или завещания. Первое завещание — всей братии, т. е. и настоятелю и всем инокам обители, оно состоит из девяти наставлений, которые в первых девяти главах изложены обширно, в виде поучений с свидетельствами из Священного Писания, из правил соборных, из святых отцов, особенно подвижников, из Патериков и подобного, а потом в главе 12 повторены кратко в виде правил. Эти поучения и правила говорят: а) о благочинии в церкви и соборной молитве; б) о благочинии в трапезе, о пище и питии; в) об одежде, обуви и других вещах монастырских;

Устав прп. Иосифа Волоцкого. Сер. XVI в. Л. 1

г) о том, что не должно инокам беседовать после повечерницы и ходить из кельи в келью; д) не должно им исходить из монастыря без благословения; е) об общих монастырских трудах и особых послушаниях иноков; ж) о том, что не должно быть в обители питию и пьянству; з) не должно входить в обитель женскому полу; и) не должно жить в обители и даже в монастырских дворах отрокам. Второе заветование — собственно настоятелю, оно изложено в 11-й главе и убеждает настоятеля со всею ревностью заботиться о вверенных ему иноках и учить их словом и делом. Третье заветование — соборным и вообще старейшим братьям, которым вверено было вместе с настоятелем и в отсутствие его управлять обителию, это заветование изложено в двух последних главах, и именно в 13-й после общих наставлений содержит девять *преданий*, объясняющих, как соборные старцы должны наблюдать за исполнением каждого из девяти правил общего монастырского устава, данного Иосифом. А в главе 14-й излагает девять запрещений, или епитимий, из которых ту или другую должны были соборные старцы возлагать на иноков за нарушение того или другого из девяти правил общего устава. Кроме трех отдельных заветований — всей братии, игумену, соборным старцам, преподобный Иосиф поместил в своем уставе еще особую, десятую главу под названием: «Отвещание любозазорным и сказание въкратце о св. отцах, бывших в монастырех, иже в Русей земли сущих». Тут преподобный

сначала как бы защищает себя против тех, которые говорили, что святые отцы еще в прежние времена изложили в письмени общежительные предания, а ныне не следует так поступать, но должно учить только словом, и доказывает свидетельствами прежних учителей — Никона Черногорца, Лествичника, Златоуста и других, что, напротив, настоятель обязан учить свою братию не только словом, но и писанием. Затем, чтобы кто-либо не стал утверждать, будто, по крайней мере, русские святые отцы не писали иноческих преданий, а учили только словом, преподобный Иосиф излагает краткое сказание о святых отцах Русской земли, и в частности говорит о преподобных Антонии и Феодосии Печерских, Сергии Радонежском, Кирилле Белозерском, Савве Тверском, Макарии Колязинском, Пафнутии Боровском и других, не объясняя, впрочем, давали ли они или не давали письменные уставы своим инокам. Наконец, обращается к современному иночеству и собственно к своей обители и замечает, что ныне благочестие между иноками крайне упало, что для возбуждения их необходимо употреблять не одни словесные, а и письменные наставления, что если они забывают и в письмени изложенные пред ними иноческие предания, то еще скорее забудут без письмени и пр. По составу своему устав преподобного Иосифа есть сочинение оригинальное, но по содержанию мало отличается от других того же рода монастырских уставов. Многие правила и у Иосифа те же, какие мы видели в уставе преподобного Ефросина Псковского, хотя и излагаются подробнее. Например: в трапезу иноки должны поспевать «к благословию» и садиться там каждый на своем определенном месте; до начала общего стола никто не должен есть, в продолжение стола не должен ничего брать из пищи своего соседа и давать ему из своей. Обед начинается благословением игумена или служащего священника, совершается при чтении нравоучительных книг и оканчивается молитвословием. После обеда из трапезы выходят все вместе, молча, и немедленно расходятся по кельям. К вечернему столу никто, кроме одних служащих, не допускается. Пища для всех полагается одна (гл. 2). Все принесенное иноком с собою при поступлении его в обитель обращается в монастырскую собственность, а здесь все его имущество состоит только из двух свиток, старой и новой, двух скуфий, двух пар сапогов и других самых необходимых вещей, которые выдаются ему от монастырского казначея. И этих вещей иннок не смеет ни продать, ни променять кому-либо, ни заменить другими, полученными со стороны (гл. 3). В келье иннок должен проводить время в постоянной молитве, чтении и списывании душеполезных и богослужебных книг и в других занятиях на пользу обители. На общую работу должен приходить вовремя и оставлять ее не прежде других (гл. 6). С особенною обстоятельностью излагаются в уставе преподобного Иосифа Волоколамского статьи о внутреннем управлении монастыря и говорится: главный начальник монастыря есть игумен. Он избирается всем братством и непременно из среды самих же братий, чтобы и его все знали и он был знаком со всеми обычаями своей обители. В своих распоряжениях он обязан строго следовать существующему в ней уставу и не вводить ничего нового.

Но игумен управляет монастырем не иначе как при соучастии келаря, казначая и старейшей братии, или соборных старцев. Последние, числом двенадцать по числу двенадцати апостолов, избираются общим голосом братии и утверждаются игуменом. Одни из этих старцев днем и ночью обходят монастырь через каждый час времени, чтобы все иноки находились в своих кельях и занимались своими трудами, а не бродили без дела. Другие наблюдают за благочинием в столовой. Третьи во время богослужения обходят всю церковь, чтобы видеть, все ли иноки присутствуют в ней и каждый ли стоит на своем месте. Четвертые становятся в притворе и у церковных дверей, чтобы стоящие в притворе не разговаривали, и не смеялись, и не выходили из церкви в продолжение службы. Дела неважные решает сам игумен по совещании только с келарем и казначеем. Дела более важные решаются советом игумена, келаря, казначая и соборных старцев. Наконец, дела особенно важные объявляются всем инокам и решаются их общим голосом. В отсутствие настоятеля монастырем управляет собор старцев. Если иннок согрешит невольным и ненамеренно, он оставляется без епитимии. Если намеренно и не раз, не два, то подвергается разным епитимиям, судя во вине своей, каковы: поклоны, сухоедение, отлучение от церковной святыни. За великое преступление виновный иногда заключается в оковы, а в крайних случаях даже вовсе изгоняется из монастыря (гл. 11, 13 и 14). Почти все главные мысли своего обширного устава преподобный Иосиф кратко выразил в своем «Наказе одному из братии», а главу устава о неупотреблении в монастыре хмельных напитков повторил в своей «Наказной грамоте соборным и прочим братьям»⁷⁸. Впоследствии как бы в дополнение к Иосифову уставу частью по указаниям его, а частью на основании монастырского обычая написан был по поручению братии подробный *Обиходник*, или устав, в 6 главах, о церковном звоне во все дни, о пении молебнов, о возжигании и раздавании свечей в церкви, о погребении братий и мирян, о поминовениях их и пении панихид, о пище братии во святую Четыредесятницу и другие дни. Этот труд совершен был иноком Евфимием Турковым, бывшим затем игуменом Иосифова монастыря (1573–1586)⁷⁹ [199*].

С уставом преподобного Иосифа Волоколамского имеет весьма близкое сходство, даже в подробностях, устав преподобного Корнилия Комельского, изложенный в 15 главах⁸⁰. Может быть, оба святых старца, устроив свои обители и составляя свои уставы, имели в виду один и тот же образец Кирилло-Белозерского монастыря, обычаи которого, как мы знаем, более всех понравились преподобному Иосифу и в котором преподобный Корнилий не только принял пострижение, но и проходил первые свои послушания. А может быть, Корнилий имел под руками и самый устав Иосифов, хотя ссылается только на древних — Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Феодора Студита и других⁸¹. Как бы то ни было, только излагать все правила Корнилиева устава мы считаем излишним, а приведем из него лишь некоторые, более характеристические мысли. Пища в монастыре, говорит этот устав, бывает простая, скромная, легко приобретаемая и за

малую цену, а отнюдь не излишняя: больше трех блюд не должно быть. В Великий пост по вторникам и четверткам бывает одно вареное кушанье и другое сухоедение, а в понедельник, среды и пятки не давать даже квасу, но всем пить одну воду (гл. 3). Если к какому брату придет кто-либо из внешних, мирянин ли или инок, родственник или знакомый, то брат без благословения настоятеля не может не только допустить пришедшего в свою келью, но даже беседовать с ним где-либо (гл. 4). Занимающиеся рукоделием не должны без благословения настоятеля работать ни для кого и даже отдавать свою работу в виде милостыни, но должны все сделанное приносить в казну монастырскую, ибо милостыня и нищепитательство в монастырях общи (гл. 5). Если инок получит от кого-либо письмо, то должен, не распечатав его, показать настоятелю, или, если получит подарок или какую вещь, малую или большую, должен также показать настоятелю и делать все с его благословения (гл. 7). Никто да не приписывает ничего в книге без благословения настоятеля, или уставщика, или книгохранителя, ибо от этого бывает мятеж и смущение (гл. 8). Когда бывает от кого-либо милостыня на монастырь, братия отнюдь не должны принимать ее по рукам, как это вошло в обычай в некоторых общих монастырях. А если принесший милостыню скажет: «Мне велено раздать ее по рукам, иначе я не дам вам ничего», в таком случае лучше совсем отказаться от милостыни, нежели принять ее на разорение общего чина (гл. 12).

Новгородский архиепископ Макарий, вводя общежитие в монастыри своей епархии, давал им от себя уставные грамоты, как можно судить по одной такого рода грамоте, данной им Свято-Духову монастырю. Здесь архипастырь заповедовал иметь игумену в своем монастыре одного иеромонаха, одного иеродиакона да девять братьев, так чтобы всех с игуменом было двенадцать. Совершать в монастыре все церковные службы не только в воскресные и праздничные дни, но и ежедневно, а в понедельник, среды и пятки, равно в воскресенья и праздники петь еще молебны о государе великом князе и его княгине, о устроении земском и о всем православном христианстве и помянуть преставльшихся великих князей, архиепископов и создателей обители. В трапезу ходить игумену всякий день и есть вместе с братиею, а трапезу не во все дни иметь одну и ту же: иначе устроить ее в дни воскресные и праздничные, иначе во вторники, четвертки и субботы и иначе в понедельник, среды и пятки. Игумену в келье у себя не есть и гостей у себя не кормить и не пировать с ними, а кормить ему и потчевать гостей в трапезе или в келарской. Одеждою и обувью и всякими келейными вещами снабжать братию по общежительному преданию. Держать игумену келаря, и казначея, и трех или четырех соборных старцев и с ними вместе исполнять всякий чин, иметь попечение о прочих братиях, ведать доходы и расходы монастырские и виновных подвергать наказаниям. Жить игумену по-чернечески и иметь любовь ко всей братии, а не выситься властительно; братии же иметь игумена своим отцом и учителем, слушаться его во всем и к нему приходить для исповеди^[100*], а не держать себе духовных отцов в городе, или на посаде, или по селам. Мирским

людям, женщинам и отрокам, отнюдь не входить в кельи к старцам и питья им в кельях не держать. Игумену держать у себя келейником чернеца или двух чернецов, а мирянина у себя в келье не держать, и молодым ребятам ни у игумена, ни у старцев не жить. Если какие христороубцы пожелают делать вклады на монастырь, игумену с братиею принимать от них вклады в казну на монастырское строение, а если захотят вкладчики постричься в монастыре, постригать их, хотя бы число братий — двенадцать — было полное. Если игумен начнет нерадеть о своих обязанностях, братии отнюдь не молчать, а напомнить ему со смирением и любовию; а если не исправится, то донести архиепископу⁸². Подобные *уставные грамоты* в общежительные монастыри даваемы были и другими нашими святителями, и сохранилась даже общая формула такой грамоты от начала XVI в., излагающая, впрочем, дело в самых общих чертах⁸³.

Преподобный Герасим Болдинский, основавший четыре монастыря, дал им один и тот же общежительный устав, сущность которого заключается в следующих немногих правилах, почти ничем не отличающихся от других подобных правил. У братии все должно быть общее. Всякое дело монастырское исполнять безропотно и на всякое послушание ходить с благословения настоятеля. Одежду носить ту, какую оставил он сам (т. е. Герасим), устрояемую на монастырскую казну. А если кто не захочет, то игумену, священнику и диакону давать в год на одежду по два рубля. Хмельного питья в обители не иметь, кроме квасу, то же и для гостей. Ни пиши, ни какого-либо сокровища в кельях не держать. Питаться всем обще в трапезе, с безмолвием, что Бог подаст, и при этом слушать жития святых и поучения. Пища должна быть всем равная, игумену и братии, тою же кормить и гостя. Брата, впавшего в какое-либо прегрешение, смирять монастырским послушанием, но из монастыря не изгонять, разве только когда не послушает наказания. Странников и нищих не оскорблять и подавать им на путь, что Бог в обители умножит. Игуменов избирать себе не из чужих монастырей, а из своих братий, как знакомых с местным уставом. Игуменов чтить о Господе во всем. Если же какой игумен начнет жить не по воле Божией и не по правилам монастырским, то послать к нему несколько братьев в келью, чтобы они побеседовали с ним со смирением духовным. Во всех монастырских делах без совета соборных старцев, которых должно быть двенадцать, и без воли игумена ничего не предпринимать. Игумен своих постриженников в другие монастыри да не отпускает^{84 [101*]}.

Легко заметить, что все уставы общежития, нами рассмотренные, занимаются непосредственно внешнею деятельностью и поведением иночествующего братства и стараются определить ее с большею или меньшею подробностью. Но они определяют и направляют эту деятельность так, чтобы способствовать вместе и внутреннему усовершенствованию иноков, исполнению ими всех трех коренных обетов иноческой жизни. Правила общежительных уставов, как мы видели, имеют в виду утвердить, возвысить иноков, одни — в самоотвержении, в отречении от собственной воли, смирении и послушании; другие —

*Аскетические труды прпп. Савватия и Германа Соловецких.
Миниатюра. Житие прпп. Зосимы и Савватия Соловецких. Кон. XVI в. Л. 14*

в отречении от всех благ мира, от всякой собственности, в нестяжательности; третии — в обуздании плоти, самоумерщвлении и целомудрии. Не надобно забывать, что, кроме этих правил, каждый инок в общежительном монастыре пользовался для своего внутреннего самоусовершенствования наставлениями своего духовного старца, наставлениями и поучениями игумена, поучениями и житиями древних святых подвижников, которые постоянно читались и во храме, и за трапезой, и самими иноками в кельях. И мы поймем, что, живя при таких условиях в общежительном монастыре, каждый инок не имел нужды заботиться ни о чем, кроме собственной души, и имел полную возможность постепенно усовершенствоваться в духовной жизни.

Совсем другое представляют нам монастыри необщежительные, или особные, какими были тогда большая часть наших монастырей и пустынь, называвшихся нередко по малолюдности своей монастырьками и пустыньками. Там каждый инок должен был помышлять прежде всего о житейском: о пище для себя, об одежде, иногда даже о келье и о других вещах и неизбежно должен был иметь частые сношения с миром в ущерб своим духовным занятиям. Без сомнения, и в этих монастырях братия обязаны были исполнять общие правила монашеской жизни, заветанные древними отцами Церкви, и от начала XVI в. сохранился образец *наказной грамоты*, какую давали наши святители особным

монастырям. Здесь прежде всего заповедуется, чтобы настоятель имел совершенную духовную любовь к попам, диаконам и чернецам своей обители и попечение о их спасении, а священники и старцы воздавали своему настоятелю честь с повиновением и послушанием, без его повеления и благословения никуда не выходили из монастыря и во всем жили по чину и уставу иноческого жития. Если же какой поп, диакон или чернец начнет не слушаться этой грамоты и производить бесчиние в обители, то такого настоятель должен вразумить и поучить духовно при двух или трех свидетелях, а в случае неисправления и упорства может и выслать из монастыря. Затем преподаются правила о разделе монастырских доходов: половина всякого жита или зерна, доставляемого монастырскими селами, равно и денег за отдаваемые внаем монастырские земли, должна идти настоятелю; четверть — попам и диаконам, и остальная четверть — чернецам. А из доходов за годовичные поминовения, сорокоусты и молебны половина — настоятелю и вся другая половина — попам и диаконам; чернецы же в эти доходы совсем не вступаются⁸⁵. Но легко понять, что наказная грамота, изложенная в таких общих чертах, оставляла еще слишком много простора для иноков особых монастырей, и неудивительно, если эти иноки, не направляемые и не ограждаемые подробными правилами и порядками общежития, могли удобно предаваться своеволию, распущенности и иногда даже совсем забывать о своих обязанностях. Оттого-то необщежительные обители мало соответствовали своему назначению быть приютами и рассадниками иноческой жизни и далеко не могли сравняться в этом отношении с обителями общежительными.

Преподобный Нил Сорский желал насадить и утвердить в России особый вид монашеского жития, издавна процветавший на Афоне и известный под именем *жития скитского*. Святые отцы разделяли монашеское житие на три вида: первый вид — когда многие иноки живут и подвизаются вместе; второй вид — отшельничество, когда подвизается один инок в уединении; третий вид — скитничество, когда инок живет и подвизается с двумя или тремя братьями при общей пище и одежде, при общем труде и рукоделии. Этот-то последний вид, как бы средний между двумя первыми, который святой Нил называл потому царским путем, и хотел он осуществить в своем ските. По внешнему устройству скит Нилов не отличался от прочих монастырей, у нас существовавших. Он имел сходство и с монастырями нашими общежительными, которые очень часто состояли из двух и трех иноков и иногда из пяти и десяти, тогда как в нем под конец жизни преподобного Нила число скитников возросло даже до двенадцати; имел сходство и с монастырями общежительными, ибо у скитников общие были и труды, и одежда, и пища, для чего Нил устроил для них мельницу. Но отличался Нилов скит от всех других наших обителей по внутреннему своему направлению, по тому *умному деланию*, которое должно было составлять главнейший предмет забот и усилий для всех скитников. Это умное делание преподобный Нил изучил в писаниях древних подвижников, наблюдал в образцах на святой горе Афонской и в Греции, изве-

дал сам на собственном опыте и старался изобразить для себя и для других в своем уставе, который назвал «Преданием о жительстве скитском». В предисловии к уставу старец еще касается внешнего поведения иноков, говорит кратко об их повиновении настоятелю, о трудах телесных, о пище и питии, о принятии странников, заповедует соблюдать бедность и нищету не только в кельях, но и в украшении храма, так чтобы в нем ничего не было ни из серебра, ни из золота, запрещает выходить из скита без воли настоятеля, впускать в скит женщин, держать в нем отроков. Но потом в самом уставе рассуждает уже исключительно об умном, или мысленном, делании, под именем которого разумет внутреннее, духовное подвижничество. Сказав предварительно словами отцов о превосходстве этого внутреннего делания пред внешним, о недостаточности одного внешнего делания без внутреннего, о необходимости последнего не только для отшельников, но и для живущих в общежительных монастырях, преподобный Нил разделяет свой устав на одиннадцать глав, которые, впрочем, удобно подвести под три отдела. В первых четырех главах старец говорит вообще о сущности внутреннего подвижничества, или нашей внутренней борьбы с помыслами и страстями, и о том, как вести нам эту борьбу, чем подкреплять себя в ней, как достигать победы. В пятой главе, самой важной и обширной, показывает, в частности, как вести нам внутреннюю брань против каждого из восьми греховных помыслов и страстей, от которых рождаются все прочие, именно: против чревообъедения, против помыслов блуда, против страсти сребролюбия, против страсти гнева, против духа печали, против духа уныния, против страсти тщеславия, против помыслов гордостных. В остальных шести главах излагает общие средства, необходимые для успешного ведения духовной брани, каковы: молитва к Богу и призывание Его святого имени, памятование о смерти и о Страшном суде, внутреннее сокрушение и слезы, охранение себя от злых помыслов, устранение себя от всяких попечений, безмолвие и, наконец, соблюдение для каждого из исчисленных занятий и действий приличного времени и способа. Начертав свой устав, преподобный Нил не представил в нем, собственно, ничего нового: он почти ничего не говорит своего и от себя, а постоянно приводит изречения древних святых отцов и подвижников: Василия Великого, Макария Великого, Иоанна Лествичника, Кассиана Римлянина, Симеона Нового Богослова, Нила, Григория и Филофея Синайских, Варсонофия, Никиты Стифата и многих других. Скажем более: своим уставом преподобный Нил не привнес ничего нового и в Россию, в мир русского монашества, потому что русские иноки давно уже знакомы были с творениями исчисленных подвижников, перечитывали их и руководствовались ими в жизни⁸⁶. Заслуга Нила только в том, что он собрал мысли отцов о внутреннем подвижничестве, рассеянные в их творениях, свел в одно стройное целое и для удобнейшего руководства предложил русским инокам в возможно сжатом виде. Он не отвергал важности и внешнего делания иноков, определением которого занимались общежительные уставы монастырей, но он желал напомнить нашим инокам, что одним внешним деланием ограничиваться

не должно, что оно одно не может привести их к цели, что гораздо важнее и существеннее для них внутреннее подвижничество, которое необходимо соединять с внешним. Таким образом, устав Нилов только как бы дополнил другие монастырские уставы, у нас существовавшие, и составил с ними один устав, обнимавший всецело обе стороны подвижничества — внешнюю и внутреннюю. Написанный непосредственно для скитников, устав преподобного Нила весьма пригоден и необходим и для подвизавшихся в общежительных монастырях. Потому-то известный ученик Нила — Иннокентий, основавший общежительный монастырь недалеко от Вологды^[102*], заповедал, чтобы там постоянно следовали уставу учителя его, старца Нила⁸⁷.

Кроме устава преподобного Нила, сохранился еще по рукописям XVI в. другой устав скитского жития, писанный неизвестным, может быть даже одним из учеников того же преподобного, на основании его преданий и порядков, заведенных им в его скиту. Ибо в самом предисловии к этому уставу составитель, сказав, что древние скитники, подвизавшиеся в пустынях и других уединенных местах, не имели себе устава «по преданию соборному, рекше церковному» и что потому одни из них сами уставляли себе правило, а другие следовали преданию своих отцов, сколько могли вместить, присовокупляет: «Сего ради противу своей немощи *сиа от отца нашего пряхом дръжати в нашем пребывании*, еже да и зде изложихом произволяющим и любящим их». Впрочем, кто бы ни изложил этот устав — один ли из учеников преподобного Нила Сорского или другой скитник, надобно заметить, что настоящий устав касается уже не внутреннего делания и подвижничества, чему исключительно посвящен устав самого Нила, а внешнего делания или, точнее, внешнего богослужения подвизавшихся в скитах⁸⁸. В изложении этого устава представляются две различные по содержанию части, и собственно устав изложен только в первой. Главнейшие правила устава можно выразить в следующих кратких статьях: 1) каждую неделю совершается дважды всенощное бдение: в среду под четверток и в субботу под воскресенье. Если же в продолжение недели случится праздник Господский или великих святых, на который положено всенощное бдение, тогда бдение в среду под четверток отменяется; «и се убо и мы, иже *от отца нашего* навыкохом, тако исповедаем», — замечает при этом составитель устава. 2) Для таких всенощных скитники, если они имеют пребывание вблизи монастыря, собираются в монастырскую церковь и там вместе с братьями обители выстаивают всенощную по церковному уставу. 3) А если скитники живут вдали от монастыря, то собираются все вместе в какую-либо келью или церковь, если есть, и сами совершают сперва вечерню, потом всенощную и, наконец, утреню по особому чину, изложенному в настоящем уставе (из которого, между прочим, видно, что после вечерни скитники вкушали мало пищи, кто желал, и затем проводили время в духовных беседах и чтении священных книг, а по окончании первой части всенощной, разделявшейся на три части, иные предлагали свои вопросы прочим братьям для разъяснения того, что было пред тем читано в собрании,

а другие публично пред всеми, повергаясь ниц, исповедовали грехи свои и просили себе прощения и молитв). 4) Если же скитников, живущих вдали от монастыря, слишком мало — два или три брата и они не могут совершать всюнощную по изложенному чину, то да проводят они ночь в чтении и пении Псалтири; а если не умеют петь Псалтири, то пусть поют, по крайней мере, Трисвятое и повторяют молитву Иисусову и таким образом проводят ночь в бдении и трезвении по Боге. 5) Во все прочие дни года, на которые всюнощной не положено, скитники отпевают пол-Псалтири с определенным числом молитв и поклонов в своих кельях, а из соборных служб — часы, обедницу, вечерню, повечерницу и полунощницу в церкви или общем собрании; впрочем, могут сокращать службы и число молитв и поклонов по своему произволению, как указано в этом уставе, и затем каждый, находясь в своей келье, проводит время в чтении книг и рукоделии, чтобы соблюсти себя от праздности и скверных помыслов, и без нужды отнюдь не исходят из келий. 6) Не умеющие читать взамен Псалтири совершают определенное число молитв и поклонов и должны посещать соборные службы, где читают и поют другие братья, искусные в чтении и пении. При этом устав замечает, что, по заповеди скитской, все скитники, старые и юные, не умеющие читать и петь, должны научиться тому, сколько могут, и знать, по крайней мере, Трисвятое, 50-й псалом, Символ веры, и предлагает самое краткое правило, или чин службы, который должны изучить эти скитники и совершать повсюду, где бы они ни находились. 7) Каждый брат должен иметь в келье своей иконостас и пред ним петь уставленный канон в келье своей и во время пения кадить этот иконостас. Во второй части изложения настоящего устава содержатся не самый устав, а только наставления и вразумления соблюдать его. Здесь писатель обращается к скитникам ленивым и нерадивым, которые или вовсе не исполняют устава, или исполняют его небрежно, подробно объясняет им, как губительно такое поведение для них самих и для других, какой тяжкой ответственности подлежат они, и убеждает их с усердием хранить предание скитское, не исходить безвременно из своей кельи, соблюдать положенное правило всякий день в пении, молитвах, коленопреклонениях, в чтении священных писаний, в рукоделии и во всем прочем, а относительно того, чего не изложено в этом уставе, искать себе руководства в Божественных правилах и особенно в главизнах святых отцов о трезвении. В заключении автор говорит, что он изложил скитский устав не по своему желанию, не славы ради, не по человекоугодию, а по настоятельным просьбам многих не только иноков, но и мирян, ищущих спасения, и еще более благоверных жен, боящихся Бога, и изложил не для монастырей, которые имеют свои правила и уставы, а для скитников, предоставляя притом их собственному произволению следовать или не следовать этому уставу, и, наконец, делает особое замечание относительно инокинь, что и они, если только какая из них пожелает, могут руководствоваться этим же уставом в келье и церкви по мере своих сил и крепости и что «вся, елика суть о иноках речена, тожде предание и сим да есть».

Много было у нас монастырей мужеских, несравненно менее женских, но были и монастыри мужеско-женские, а равно и такие женские, которые, по крайней мере, управлялись не игуменьями, а игуменами. Мы уже видели (т. 6. С. 122—123 [281]), что Московский Собор 1503 г. по этому поводу постановил: «Впредь чернецам и черницам в одних монастырях не жить; если в каком монастыре начнут жить чернецы, там служить игумену, а черницам в том монастыре не жить; если же в каком монастыре начнут жить черницы, там служить попам-бельцам, а чернецам в том монастыре не жить». В Новгороде это правило старался осуществить архиепископ Макарий: в 1528 г. он отдал исключительно черницам семь монастырей, в которых прежде жили черницы и игумены, управлявшие ими, и назначил туда игумений, а игуменов перевел в мужеские монастыри⁸⁹. Но в других епархиях, верно, не везде поступили таким образом. На Стоглавом Соборе царь Иоанн Васильевич указывал отцам (гл. 5, вопрос 37), что в иных монастырях чернецы и черницы живут вместе, и Собор вновь подтвердил приведенное нами правило Собора 1503 г. (гл. 82). Несмотря на это, и в 1582 г. мы встречаем еще два мужеско-женских монастыря в Новгородской епархии, в Обонежской пятине⁹⁰.

Давний обычай наших князей иметь у себя свои, княжеские, монастыри сохранился и теперь. Таковы были монастыри: в Москве — Покровский в Садах и Покровский Лыщиков, в Боровске — Покровский Высокий и Рождество-Богородицкий, в Дмитрове — Троицкий на Березниках, в Рязани — Аграфенинский Покровский и другие. Монастыри эти князья считали как бы своею собственностью, которую они иногда передавали другим еще при своей жизни, а пред смертью отказывали в завещаниях своим наследникам. У митрополита также издавна были свои известные монастыри, и число их в настоящий период еще увеличилось. Прежде за митрополитом числилось пять монастырей: Чудов и Новинский в Москве, Константиноеленский и Борисоглебский во Владимире и Благовещенский в Нижнем Новгороде. Теперь, как мы видели, к ним присоединилось еще шесть: Савин в Москве, считавшийся домовым митрополичим; Сновидский, Николаевский Волосов и Преображенский на Святом озере — владимирские, Ильинский на реке Воре в Дмитровском уезде и Воронина Успенская пустынь в Белозерском крае. Кроме того, в настоящий период мы встречаем примеры, каких не встречали прежде, что великий князь брал от князей удельных их монастыри под свое непосредственное ведение и покровительство. Это происходило по вине самих же удельных князей и по просьбе иноков. «Случалось, — говорит преподобный Иосиф Волоколамский, — князю Василию Ярославичу боровскому (внуку знаменитого Владимира Храброго) бывать у Святой Троицы в Сергиевом монастыре, который находился тогда под его державою. Князь, имея под своею рукою монастырь, не оказывал надлежащего почтения игумену и старцам. Они возвестили о том великому князю Василию Васильевичу, и последний, негодуя, взял монастырь в свое государство, а Василию Ярославичу запретил владеть Сергиевым монастырем. Князь Александр

Феодорович ярославский, приходя в свой монастырь на Каменное, приказывал приводить за собою и псов, даже в трапезу, и когда ел сам, то приказывал кормить и их тою же пищею. Игумен каменский и старцы много о том печалились и, отправившись в Москву, молили великого князя Василия Васильевича, чтобы он взял их монастырь в свою державу, и князь по их просьбе взял монастырь под свою руку. У князей Засекиных находился в отчине монастырь Пречистой Толгский; они нечестно держали тот монастырь, и великий князь Василий Васильевич взял его в свое государство, а князьям Засекиным не велел вступаться ни во что в том монастыре»⁹¹. Такой же случай повторился и над монастырем самого преподобного Иосифа. Волоколамский князь Федор Борисович очень нечестно держал монастыри, находившиеся в его княжении: он брал с них поборы и в монастырях Возмицком, Селижаровом и Левкиевом «не оставил ничего в казне». Дошла очередь и до монастыря Иосифова. «Князь Федор Борисович,— рассказывал сам Иосиф,— вступается во все: что пошлет нам Бог, в том не дает нам воли; иное просит себе даром, другое берет за полцены, а где не послушаем его, он хочет чернецов бить кнутом, а на меня бранится. Из страха мы отдавали ему, что ни поступало в монастырь: коней, доспехи, платье, и он все брал, как хотел. Да захотел еще брать деньги и другие вещи, начал присылать к нам за деньгами, и мы послали ему шестьдесят рублей; прислал вновь — мы дали еще сорок рублей, и, когда через десять лет послали просить у него возврата тех денег, он хотел посланного инока бить кнутом, а денег не дал. Что ни пришлют на милостыню и по усопших, все требует себе. Купили мы на полтора ста рублей жемчугу для риз и епитрахили — князь Федор прислал просить жемчугу для своего шлема и венца...» и пр. Все это вынудило наконец Иосифа просить своему монастырю покровительства у великого князя Василия Иоанновича, который, по совету с митрополитом и епископами, действительно и взял Иосифов монастырь из-под власти Феодора Борисовича в свое непосредственное ведение⁹² [10*].

В 1539 г. преподобный Даниил, основатель и настоятель Троицкого монастыря в Переяславле Залесском, чувствуя слабость своих сил, просил великого князя Иоанна Васильевича дать монастырю нового архимандрита Илариона. Великий князь исполнил эту просьбу и «повелел Илариону в службах церковных ходить за горицким архимандритом, а протопопу и игуменам переяславских монастырей ходить за троицким архимандритом Иларионом по своему чину, как прежде ходили в церковных службах»⁹³. Это показывает, что между нашими монастырями существовали *степени*, что существовал чин, которым определялось свое место каждому из настоятелей, когда они собирались вместе для церковных служб, а равно и для других церковных целей⁹⁴. К сожалению, не прежде как уже во 2-й половине XVI в. мы встречаем некоторые данные, по которым можем судить об этих степенях наших монастырей и их настоятелей^[10*]. В 1561 г., когда игумен Троицкого Сергиева монастыря соборным определением возведен в сан архимандрита, ему предоставлено первенство пред всеми архимандритами⁹⁵. В земском

приговоре 1566 г. о войне против Польши участвовали четырнадцать настоятелей, и они помещены там вслед за владыками в таком порядке: архимандриты — новоспасский, чудовский, симоновский, богородицкий из Свяжска, андрониковский, игумены — хутынский и кирилло-белозерский, архимандрит лужецкий из Можайска, игумены — богоявленский московский, иосифо-волоколамский, антониевский из Новгорода, псково-печерский, архимандрит борисоглебский из Смоленска и игумен колоцкий из Можайска. В соборном определении 1572 г. о четвертом браке царя Иоанна Васильевича участвовали архимандриты — троице-сергиевский, новоспасский, чудовский, симоновский, андрониковский, лужецкий, игумены — богоявленский, пафнутиевский, архимандрит солотчинский, игумены — колязинский, колоцкий, архимандрит даниловский и игумен угрешский. На Соборе 1580 г., рассуждавшем о предмете, весьма близком для монастырей, именно о церковных имуществах, присутствовало гораздо более настоятелей со всех концов России (до тридцати восьми), а потому в акте этого Собора степени наших главных обителей представляются гораздо полнее. Тут находились: архимандриты — троице-сергиевский, владимиоро-рождественский, новоспасский, юрьевский из Новгорода, чудовский, симоновский, свяжский, андрониковский, спасский из Казани, печерский нижегородский, игумены — хутынский, кирилло-белозерский, архимандриты — горицкий, лужецкий, игумен богоявленский московский, архимандриты — богоявленский из Ростова, спасо-ярославский, игумены — пафнутиевский, иосифо-волоколамский, антониевский из Новгорода, соловецкий, псково-печерский, архимандриты — спасский из Суздаля, отрочевский, возмицкий, даниловский из Переяславля, каменский из Вологды, игумены — феррапонтовский, борисоглебский с Устья, архимандрит солотчинский из Рязани, игумены — прилуцкий вологодский, троицкий Павлова монастыря, глушицкий, колязинский, корнилиевский, никитский из Переяславля, колоцкий и вяжицкий из Новгорода. Через три года был еще Собор в Москве, рассуждавший о тех же церковных имуществах, в грамоте которого присутствовавшие на нем настоятели монастырей записаны в следующем порядке: архимандриты — троице-сергиевский, рождественский из Владимира, новоспасский, симоновский, андрониковский, игумен кирилло-белозерский, архимандриты — горицкий, лужицкий, игумен богоявленский московский, архимандриты — богоявленский из Ростова, спасский из Ярославля, игумены — пафнутиевский, иосифо-волоколамский, соловецкий, архимандриты — спасский из Рязани, отрочевский из Твери, даниловский из Переяславля, игумены — борисоглебский с Устья, колязинский, никитский из Переяславля, архимандрит солотчинский, игумен колоцкий из Можайска⁹⁶. Что же показывают представленные нами списки настоятелей? Прежде всего то, какие монастыри считались тогда у нас важнейшими, ибо на Соборы обыкновенно приглашаемы были настоятели самых главных и именитых обителей; во-вторых, — то, какие из этих главных наших монастырей управляемы были архимандритами и какие игуменами⁹⁷; в-третьих, — то, что хотя вообще сан

архимандрита предпочитался у нас сану игумена, но игумены некоторых монастырей занимали высшие степени пред архимандритами некоторых других обителей; наконец, что степени наших монастырей изменялись и одни монастыри с высшей степени переходили иногда на низшую, а другие с низшей восходили на высшую. Если обратим внимание на происхождение этих главнейших наших монастырей, то увидим, что большая часть из них основаны еще в монгольский период или даже прежде, и только каких-нибудь восемь-девять относятся к настоящему периоду, именно: Пафнутиев, Иосифов волоколамский, Данилов переяславский, Соловецкий, Колязин, Псково-Печерский, Корнильев Кольский, Богородицкий свияжский и Спасский казанский.

IV

Нравственная сторона наших тогдашних обителей и иноков представляет немало недостатков. И недостатки эти тем менее могут подлежать сомнению, что главные из них засвидетельствованы самим царем пред лицом Стоглавого Собора и признаны Собором, который счел нужным сделать против них надлежащие постановления. Первый, более всего бросившийся в глаза недостаток состоял в скитальничестве, или бродяжничестве, иноков. Оно зависело от разных причин. У нас никому не запрещалось удалиться в пустыню, построить себе келью и часовню, открыть монастырек. И таких монастырьков и пустыnek являлось множество, а средств для содержания их часто не было никаких. И вот мнимые пустынники отправлялись в мир собирать пожертвования и нередко служили соблазном для мирян. «Старец поставит в лесу келью, — говорил царь Иоанн Васильевич на Стоглавом Соборе, — или срубит церковь да пойдет по миру с иконою просить на сооружение, а у меня земли и руги просит, а что соберет — пропьет да и в пустыне совершает не по Боге» (гл. 5, вопрос 19). И не только чернецы, но и черницы скитались по миру с иконами, собирая на сооружение церквей и обителей, и просили милостыни на торжищах и улицах, по селам и дворам, чему дивились иноземцы (вопрос 13). Другие иноки хотя были пострижены и в общежительных монастырях, имевших средства для жизни, но, не желая подчиняться строгим правилам общежития, оставляли свои обители и бродили по городам и селам, по пустыням и монастырям, и некоторые поселялись наконец в каком-либо монастыре, а некоторых, особенно бедных, чернецов и черниц не принимали ни в какой монастырь, и они не имели себе покою нигде (вопрос 37 и гл. 85). Оттого встречались и такие чернецы и черницы, скитавшиеся по миру, которые как бы не знали, что такое монастырь: черницы жили при церквях приходских просвирицами, а чернецы служили при тех же церквях попами (гл. 5, вопрос 9). Для искоренения всех такого рода несообразностей Стоглавый Собор постановил: 1) мелкие, существовавшие дотеле пустыни сносить в одну, в которой иноки могли бы жить вместе и по чину, а впредь пустыни устроить не иначе как с благословения местных епископов, которые отнюдь не должны позволять этого инокам скитающимся и неискусным (гл. 85). 2) Чернецов и черниц, скитающихся

по миру, собрать, переписать и разослать по общежительным монастырям; здесь здоровых раздать старцам или старицам под начало для научения и, если исправятся, посылать на монастырские службы и послушания; а старых и больных помещать в монастырских больницах, кормить и покоить и также руководить к покаянию и молитве; для содержания же этих немощных чернецов и черниц благочестивому царю и владыкам «достоит» давать в монастыри, мужеские и женские, вклады из своей казны (гл. 71). 3) Вперед инокам отнюдь не отлучаться из своих монастырей, разве только для нужных монастырских дел или для своих, но не иначе как по благословию архимандрита или игумена (гл. 49); кроме того, на будущее время надобно «учинить царскую заповедь», чтобы чернецы и черницы не скитались бесчинно по городам, селам и деревням с иконами для собирания подаяний; если же крайне нуждаются в милостыне, то пусть просят ее у боголюбцев без икон, одним именем Божиим; а которые и после царевой заповеди начнут бесчинно скитаться со святыми иконами, у тех иконы отнимать и ставить по церквам, а самих прогонять из городов (гл. 74). 4) Принимать в обители и бедных иноков, приходящих из других монастырей, «Бога ради, ничтоже от них истязующе», причислять их к братству и смотреть за их поведением; если иноческое житие их будет без зазору и беспорочно, в таком случае назначать их и на монастырские службы по их достоинству (гл. 50).

Внутри монастырей существовали беспорядки своего рода. «В нашем царстве, — говорил царь, — на Москве и во всех городах есть монастыри особные: живет игумен да два или три чернеца или и более, где как случится; да тут же в монастыре живут миряне с женами и детьми; равно и в женских монастырях живут иногда миряне с женами и холостые; в ином же монастыре живут вместе чернецы и черницы, а в ином попы и диаконы, дьячки и пономари с женами живут вместе с черницами» (гл. 5, вопрос 37). В общежительных монастырях, где все подчинено было правилам устава, дело не могло простирается до таких крайностей, однако ж и там иногда, по небрежности, в кельи приходили лица женского пола, а молодые ребята даже невозбранно жили по кельям (вопрос 8). Еще более жаловался царь на другой порок, господствовавший в обителях, — на нетрезвость и на «безмерное упивание» (вопрос 17). В некоторых монастырях не соблюдались правила относительно трапезы: для настоятелей и даже соборных старцев готовилась особая, лучшая пища, и они вкушали ее в своих кельях, а не в трапезе. Иные настоятели принимали и угощали гостей также в кельях, а не в трапезе (гл. 49). От желавших поступить в монастырь требовались вклады, отчего действительно поступали только люди достаточные и богатые. Последние, иногда сделав значительное пожертвование на обитель, пользовались в ней льготами, не подчинялись монастырскому уставу, жили в довольстве и покое. Имея это в виду, «некоторые, — как свидетельствовал царь на Соборе, — постригались только покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать и ездить по селам для прохлады» (гл. 5, вопрос 8). Против всего этого отцы Стоглавого Собора

определили: 1) лицам женского пола не входить в монастырь, разве только для моления в церкви, и то или с мужем, или с братом, или с сыном, и после службы тотчас выходить из монастыря; в келье же женщин вовсе не принимать; а у которых попов (монастырских), или диаконов, или священноиноков увидят в келье женщину, тем быть изверженным от священства, а простым инокам быть отлученным от всякой святости. 2) Ни настоятели, ни старцы и никто из братий не должны держать у себя в келье «молодых ребят голоурых», а кому из старцев невозможно будет обходиться без служителя по немощи и старости, тем настоятели могут посылать на службу одного или двух братьев или и мирского человека в совершенном возрасте, «имуцаго браду». 3) Горячего вина по монастырям не курить и не пить и хмельного пива и меда не держать, а пить только квас житный и медовый; фряжские же вина не возбраняются, если испивать их во славу Божию, а не в пьянство, ибо нигде не написано, чтобы не пить вина, но только написано, чтобы не пить вина в пьянство (гл. 49 и 52). 4) Архимандриты, игумены, строители и соборные старцы ели бы в трапезе вместе с братиею, а не по кельям, и пища для всех их была бы в трапезе общая с братиею и равная, а особых брашен для них не готовилось бы; исключения могут быть только ради старости и немощи. Также гостей настоятели по своим кельям не кормили бы, а кормили бы в трапезе или в келарской; закон этот не простирается на один Троицко-Сергиев монастырь, где гости бывають беспрестанно день и ночь (гл. 49 и 52). 5) В монастыри принимать всех православных, хотящих сподобиться ангельского образа, и не требовать от них за это ничего, разве что дадут сами по своей силе; определить срок для их испытания, и если желание их окажется искренним и неизменным, то постригать их и отдавать под начало духовным старцам, которые и должны поучать их всему иноческому житию. Равно принимать не только верных, но и неверных, желающих сподобиться крещения и ангельского образа, и за то не требовать от них ничего. А если какой игумен или игуменья будут требовать за пострижение злата и серебра, то игумен да извержется, а игуменья должна быть сослана в другой монастырь под начало (гл. 50). Сделав такие постановления о пище и питии в монастырях и о приеме в монастыри новых иноков, Собор, однако ж, присовокупил следующее: «Так как в великих честных монастырях постригаются князья, и бояре, и великие приказные люди в немощи или при старости и дают великие вклады и вотчины, то на них, за немощь и слабость, закона не простирать относительно хождения в трапезу и употребления пищи в кельях, а покоить их пищею и питием по рассуждению и держать для них квасы сладкие, и черствые, и кислые, кто какого потребует, также и яствы или, если у них случится свой покой или присылка от родителей, о том их не спрашивать» (гл. 52). Это послабление для знатных и богатых, сделанное самим Собором, скоро принесло горькие плоды. Князья и бояре, которые в последующие годы царствования Иоаннова стали чаще, нежели прежде, поступать в монастыри, чтобы укрыться там от подозрений и преследований Грозного царя, а нередко постригаемы были и насильно, по его воле,

не подчинялись в монастырях никаким правилам, вели совершенно мирскую жизнь и соблазняли своим примером прочих иноков. Спустя какую-нибудь четверть столетия после Стоглавого Собора сам Иоанн в известном послании своем в Кирилло-Белозерский монастырь к игумену Косье горько жаловался, что от бояр пало благочестие в монастырях, резко укорял кирилловских монахов за то, что они поблажали и вместе подражали Шереметеву, Собакину и другим, постригшимся в их обители, и указывал на другие монастыри, также пострадавшие от подобных постриженников. «Есть у вас, — писал царь между прочим, — Анна и Каиафа — Шереметев и Хабаров, есть и Пилат — Варлаам Собакин и есть Христос распинаемый — это предание чудотворца Кирилла, вами преобидимое. Так-то от вашего послабления Шереметеву и Хабарову учинилась у вас слабость и нарушение чудотворцева предания. Всякий чернец дает обет отречься мира и быть в повиновении игумену и братии; а Шереметеву как назвать монахов братиею, когда у него и десятый холоп, живущий при нем в келье, ест лучше братий, которые едят в трапезе? Великие светильники — Сергей, Кирилл, Варлаам, Димитрий, Пафнутий и многие преподобные в Русской земле установили уставы иноческому житию крепкие, как надобно спастись, а бояре, пришедши к вам, ввели свои любострастные уставы, как будто не они у вас постриглись, а вы у них, не вы им учителя, а они вам. Да, Шереметева устав добр — держите его; а Кириллов устав не добр — оставьте его. Нынче один боярин введет одну слабость, завтра другой другую, и таким образом мало-помалу испразднится весь монастырский обиход и будут все обычаи мирские. Ведь по всем монастырям сперва начальники установили крепкое житие, да впоследствии разорили его любострастные. Кирилл чудотворец на Симонове был, а после него Сергей, и каков закон был, прочтите в житии чудотворца. Да тот небольшую слабость ввел, за ним иные побольше, и теперь что вы видите в Симонове? Кроме сокровенных рабов Божиих, прочие только по одежде иноки, а все мирское совершается. Вассиан Шереметев у Троицы в Сергиеве монастыре ниспроверг постническое житие; так и сын его Иона старается погубить последнее светило, равно солнцу сияющее, хочет и в Кириллове монастыре искоренить постническое житие. Ныне у вас Шереметев сидит в келье, что царь, а Хабаров к нему приходит с другими чернецами, да едят и пьют, что в миру. А Шереметев, невесть со свадьбы, невесть с родин, рассылает по кельям пастилы, коврижки и иные пряные составные овощи; а за монастырем у него двор, на дворе запасы годовые всякие — и вы ему молчите о таком великом монастырском бесчинии! Пригоже ли так в Кириллове быть, как Иоасаф, бывший митрополит, у Троицы пировал с клирошанами, или как Мисаил Сукин в Никитском монастыре и по другим местам, словно какой вельможа, жил, или как Иона Мотякин и многие другие такие же живут, не желая подчиниться монастырскому началу? Иона Шереметев хочет также без начала жить, как жил без начала отец его, но отцу его еще то оправдание, что он постригся неволею, от беды. А Иону Шереметева никто не принуждал — зачем же он бесчинствует?

Не говорите: если нам с боярами не знаться, то и монастырь без подаяния оскудеет. Сергей, Кирилл, Варлаам, Димитрий и многие другие святые не гонялись за боярами, да бояре за ними гонялись, и обители их распространялись, ибо благочестием монастыри стоят и неоскудны бывают. У Троицы в Сергиеве монастыре благочестие иссякло, и монастырь оскудел: не пострижется никто и не даст никто ничего. А на Сторожах до чего допили? И затворить монастыря некому, по трапезе трава растет. А прежде, и мы видели, братий до осьмидесяти бывало. Если же кто скажет, что Шереметев без хитрости болен и нуждается в послаблении, так пусть ест в келье один с келейником. А сходиться к нему да пировать на что? А двор за монастырем и запасы на что? То все беззаконие, а не нужда...» и пр.⁹⁸ Нельзя не чувствовать, что послание царя к игумену Косье написано в раздражении против Шереметева и других постригшихся бояр и что Иоанн придавал слишком много важности отступлениям от монастырских правил насчет трапезы, пищи и питья и в этом преимущественно поставлял упадок благочестия в наших обителях.

Были еще недостатки и беспорядки в монастырской жизни, которые происходили собственно от настоятелей и по поводу монастырских имуществ. «Некоторые архимандриты и игумены, — говорил царь на Стоглавом Соборе, — власти докупаются, а потом службы Божией не служат, трапезы и братства не знают, покоят себя в келье и с гостями да племянников своих помещают в монастыре и доводят всем монастырским, также и по селам; всем распоряжаются сами без соборных старцев и монастыри и села монастырские опустошают с своими племянниками, тогда как бедные братия остаются алчны и жадны, терпят всякую нужду и не имеют никакого покоя. Весь покой монастырский, и богатство, и всякое изобилие *во властех*, которое истощают они с своими родственниками, боярами, гостями и друзьями» (гл. 5, вопрос 8). «В монастыри боголюбцы дают вотчины и села на помин своих родителей, а иные вотчины и села прикупают сами монастыри, еще иные угоды выпрашивают у меня. Между тем братии во всех монастырях по-старому, инде и меньше; едят и пьют братия скуднее прежнего, и строения в монастырях нового не прибавляется, и старое опустело. Где ж прибавки, кто ими корытуется? Чернецы живут по селам да в городах тяжутся о землях» (вопрос 15). «Казну монастырскую отдают в росты, тогда как Божественное Писание и мирянам возбраняет резимство» (вопрос 16). В ответ на эти жалобы царя даны соборные определения: 1) архимандритам, игуменам и строителям отныне впредь власти не докупаться и по мзде не ставиться. Избирать настоятелей в монастыри митрополиту, архиепископам и епископам, каждому в своем пределе по слову и совету цареву и по прошению братий; после чего избранный посылается к царю и, если будет угоден Богу и царю, то поставляется. Но только святители должны избирать и поставлять не по страсти и не по мзде, но Бога ради и по священным правилам. А если какой настоятель докупится власти и святитель заведомо поставит по мзде, то оба они низвергаются. Если же какие-либо настоятели тайно докупятся власти,

без ведома святителя, и будут обличены уже после своего поставления, таких святители низвергают и посылают в великие монастыри под начало до исправления (гл. 49 и 86). 2) Настоятели без соборных старцев, без келаря и казначея не должны владеть и распоряжаться ничем монастырским; равно и соборные старцы, келари и казначеи не должны ничего делать в монастырях без настоятелей; все должны сходиться вместе на трапезу и питаться одинаковою пищею; там же принимать и гостей. 3) Детей своих и племянников настоятелям у себя в монастыре и по кельям не держать и по селам их не посылать. Да и самим настоятелям и старцам без царского веления и без святительского благословения по городам и селам не скитаться, кроме великой нужды или праздничного выезда с освященною водою. Также чернецов в посельские не посылать, а посылать по селам и в посельские добрых слуг. Если будут какие-либо дела монастырские земские, например досмотреть монастырский хлеб или учинить управу между крестьянами, то посылать добрых старцев, но на время, а не в посельские. Если же случится великая нужда земская, чего старцы управить не могут, для таких дел не возбраняется и самим настоятелям выезжать однажды или дважды в год, но вскоре они должны возвращаться в монастырь. А в объезды по селам им никогда не ездить и пиров и даров от крестьян не требовать (гл. 49). 4) Все настоятели, каждый в своем монастыре, должны сами петь молебны ежедневно со своими священниками и диаконами, а литургию служить во все воскресные и праздничные дни; также должны сами отправлять вселенские и прочие панихиды соборне за упокой тех, по ком даны вотчины в монастыри и доставляются годовые кормы (гл. 41, вопрос 31). 5) Всем монастырям, как и святителям, давать по своим селам своим крестьянам деньги «без росту» и хлеб «без присыпа», чтобы крестьяне «за ними жили» и села их были не пусты; не возбраняется давать и другим нуждающимся людям деньги и хлеб взаймы, но также без росту и присыпа, только «с поруками и с крепостями» (гл. 76).

Несправедливо было бы думать, будто только во дни Стоглавого Собора появились в нашем монашеском мире все эти недостатки, которые Собор желал исправить. Нет, существовали они у нас по местам и прежде, хотя, быть может, не в такой степени. Еще преподобный Иосиф Волоколамский, обходя общежительные монастыри, замечал в некоторых из них отступления от правил касательно трапезы, отлучки иноков из монастырей, посещения монастырей женщинами. Преподобный Нил Сорский восставал против монахов, «кружающих стяжаний ради», и в самой его пустыни вскоре после смерти его селились иногда такие «бесчинные» старцы, что братия не знала, как их выслать, и обращалась за помощью к светской власти. В переяславском Горицком монастыре в начале XVI в. иноки без благословения настоятеля отлучались на торжище, ходили в мирские дома и там пировали и даже ночевали по нескольку суток, а в праздники и в свои именины созывали к себе родных, друзей, знакомых с женами и детьми, которые все оставались в их кельях по нескольку дней и ночей. В этих недостатках со-

знались сами иноки Горицкого монастыря, когда избрали себе в настоятели преподобного Даниила Переяславского, и дали ему обет исправиться⁹⁹. Князь-инок Вассиан из рода князей Патрикеевых и Максим Грек, ратовавшие еще в 1-й половине XVI в. против монастырских имуществ, весьма невыгодно отзывались о современных им иноках. Первый укорял их за то, что они «на соблазн в мире бродят, и скитаются всюду, и смех творят всему миру»; что они «строят каменные ограды и палаты, позлащенные узоры с травами многоцветными, украшают себе царские чертоги в кельях и покоят себя пианством и брашнами от труждающихся» на них поселян; что они «иноки, да только не на иноческую добродетель, но на всякую злобу». А по словам Максима, наши иноки были заняты только делами житейскими и своими именьями, морили своих бедных крестьян всякими работами и «истязанием тягчайших ростов»; а игумены достигали своего сана дарами золота и серебра, приносимыми «народным писарем», и затем проводили жизнь в пьянстве и всяком бесчинии, оставляя порученную им братию в совершенном пренебрежении, телесном и духовном, и пр. Просветитель лопарей Феодорит, насколько можно верить Курбскому, был с бесчестьем изгнан своими собственными учениками-иноками из основанной им обители единственно за то, что старался утвердить между ними строгий общежительный устав, которому они не хотели подчиниться¹⁰⁰. С другой стороны, нельзя думать, будто после Стоглавого Собора, вследствие его постановлений, русское монашество вполне освободилось от своих прежних недостатков. Известное нам послание Иоанна IV в Кирилло-Белозерский монастырь писано уже спустя более четверти столетия после Стоглавого Собора, а между тем какими красками изображает царь некоторые наши обители! В частности, мы знаем, что, несмотря на распоряжение Стоглавого Собора, чтобы все мелкие монастырьки и пустыни были сносимы вместе и соединены в большие обители, пятины Новгородские и в 1580—1583 гг. были переполнены такими пустынями и монастырьками, и, несмотря на запрещение Стоглава требовать вклады от поступающих в монастыри, обязательность таких вкладов оставалась в силе, и люди богатые должны были вносить при своем поступлении не менее трехсот или четырехсот рублей, а иногда вносили до тысячи¹⁰¹.

Но если история не должна скрывать зла, как бы оно прискорбно для нас ни было, то не должна и преувеличивать его и умалчивать о добре, которое в данное время служило злу как бы противувесом. Царь Иоанн на Стоглавом Соборе указывал на одни недостатки в нашем монашестве, как и во всем духовенстве и народе, но это не потому, будто у нас тогда уже ничего доброго не было, а потому, что царь имел в виду обратить внимание Собора собственно на существовавшие недостатки и пороки и желал, чтобы Собор нашел средства к их исправлению или искоренению. Да и надобно быть внимательным к указаниям царя. Некоторые недостатки и беспорядки он приписывал почти исключительно монастырям особным, малолюдным, как бродяжничество иноков для выпрашивания подаяний и свободное пребывание в этих монастырях людей

*Труды прп. Савватия Соловецкого
в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре. Миниатюра.
Житие прпп. Зосимы и Савватия Соловецких. Кон. XVI в. Л. 6 об.*

сторонних, даже женщин. В общежительных же монастырях, владевших значительными имениями, все злоупотребления царь усвоил преимущественно настоятелям и отчасти соборным старцам, а о всех братиях свидетельствовал, что они, бедные, и алчут, и жаждут, и не имеют покоя, и терпят всякие нужды. Притом самих этих настоятелей Иоанн осуждал за злоупотребления далеко не всех, а говорил только: «Архимандриты и игумены некоторые власти докупаются...» и пр. Равно и об иноках вообще, которые искали себе в монастырях только покоя, царь выразился: «В монастырях чернецы и попы стригутся спасения ради души своя, неции же от них стригутся покоя ради телесного...» (Стоглав. Гл. 5, вопрос 8). Ошиблись бы мы, если бы и прочие свидетельства, приведенные нами, о худой стороне нашего монашества вздумали распространять не на некоторые только, а на все обители и на всех иноков. Нет, были у нас и иноки, были и монастыри в продолжение всего настоящего периода, которые вполне соответствовали своему призванию. Припомним прежде всего Пафнутия Боровского, Зосиму Соловецкого, Елеазара Псковского, Макария Колязинского — каким глубоким подвижничеством отличались они, как строго держали и вели устроенные ими обители, какое влияние имели на самих мирян и каким уважением пользовались от них! К концу XV и в начале XVI столетий

*Прпп. Зосима и Герман Соловецкие пристроили к храму трапезную.
Клеймо иконы «Прпп. Зосима и Савватий Соловецкие в житии».
2-я пол. XVI в.*

явились новые светила в русском монашеском мире: Иосиф Волоколамский, Нил Сорский, Иннокентий Вологодский, Александр Свирский, Корнилий Комельский, которые так же, если даже не более, благотельно действовали и на своих учеников, и на все русское монашество, и на всю отечественную Церковь. Вслед за ними и отчасти вместе с ними в течение всей 1-й половины XVI в. подвизались и светили для всех своим высоким благочестием другие основатели и устроители монастырей — Даниил Переяславский, Кирилл Новоезерский, Герасим Болдинский, Арсений Комельский, Антоний Сийский. Даже во 2-й половине XVI в., после того как на Стоглавом Соборе наше монашество подверглось таким приговорам, в среде его отнюдь не прекращался ряд строгих подвижников и настоятелей монастырей, каковы были: Филипп Соловецкий, впоследствии митрополит, Трифон Кольский, просветитель лопарей, Феодосий Тотемский, Арсений Новгородский. Словом, мы могли бы поименовать до пятидесяти черноризцев, и преимущественно настоятелей, которых воспитали наши тогдашние обители и которые за свое благочестие или причислены Церковию к лику святых, или доселе чтутся местно. Справедливость требует присовокупить, что в числе этих достойных черноризцев находились не одни жившие в монастырях, но и пустынноики, между которыми особенно замечательны

*Прпп. Зосима и Герман Соловецкие варят соль.
Клеймо иконы «Прпп. Зосима и Савватий Соловецкие в житии». 2-я пол. XVI в.*

два постриженника Крыпецкого монастыря: преподобный Нил Столбенский, подвизавшийся 27 лет в пещере близ Осташкова († 1555), и преподобный Никандр Псковский, проведенный много лет и до пострижения и после пострижения своего в глубокой пустыне между Порховом и Псковом на реке Демьянке¹⁰².

Сам царь Иоанн Грозный под конец своей жизни и в том самом послании, где так резко осудил некоторые наши монастыри, не отказался помянуть их и добром. Он говорит, что и в Троице-Сергиевом монастыре, пока не поступили туда Василий Шереметев и бывший митрополит Иоасаф (следовательно, почти до половины XVI в.), «было крепкое житие», как видел он сам; что там находились старцы, которые хотя весьма усердно угощали его и его свиту, равно как и других бояр и вельмож, посещавших обитель, но сами не касались ни к чему; что там все иноки дотоле считались равными и братьями, из какого бы звания кто ни происходил; бывший князь и бывший холоп ставали на одном клиросе и едали из одного блюда. Про Кирилло-Белозерский монастырь царь рассказывает, что когда он приехал туда в первый раз еще юношею и, опоздав к ужину, позвал подкеларника и начал требовать для себя стерлядей и другой рыбы, то подкеларник отвечал: «Мне о том приказу не было, а о чем был приказ, то я и приготовил к ужину; государя боюся, а Бога надо бояться еще больше». Такова, замечает при

этом Иоанн, была тогда крепость в той обители. И вслед за тем припоминает, что Кириллов монастырь «многия страны пропитывал в голодные времена» и что иноки его до поступления в число их Ионы Шереметева даже «иглы и нити лишней в кельях не держали, не только что иных вещей». В Чудове монастыре, по словам царя, было в его царствование несколько плохих архимандритов сряду, и монастырь сделался при них как бы одним из убогих; но при архимандрите Левкии (упоминается в 1555 г.)^[105*] он «сравнялся всяким благочинием с великими обителями и духовным жительством мало чем отстал от них». Еще о двух обителях Иоанн сказал следующее: «Вот пред нашими глазами у преподобного Дионисия на Глушицах и у великого чудотворца Александра на Свири бояре не стригутся и монастыри, Божию благодатию, процветают постническими подвигами»¹⁰³. С особенною резкостью, как мы видели, нападали на поведение наших иноков старцы Максим Грек и Вассиан князь, но эти нападки отчасти объясняются целию, какую имели в виду оба старца. Они отстаивали мысль о необходимости отобрать у монастырей села и деревни и, чтобы сильнее доказать свою мысль, не стеснялись порицать иноков без всяких ограничений за разные пороки, которые будто бы происходили от обладания именьями. А когда противная сторона одержала верх и недвижимые имущества остались за монастырями, тогда Максим и Вассиан, как побежденные, уже не без озлобления продолжали повторять свои порицания против стяжательных иноков и монастырей. Один из учеников самого Максима Грека, инок Зиновий, хорошо знавший своего учителя и князя Вассиана, свидетельствует, что Максим в своих нападениях на «любостяжательные» монастыри и иноков, не различал «чистого от нечистого» и все, что ни писал, «писал от раздражения по рвению»; что оба эти старца не испытали сами и не могли близко знать того, за что осуждали черноризцев монастырей, владевших именьями, потому что Максим жил тогда еще при дворе великого князя и пользовался пищею от его княжеской трапезы и всеми удобствами; а Вассиан, хотя жил в Симоновом монастыре, однако ж, не хотел вкушать той простой и скудной пищи и того убогого пива, какие предлагались инокам, но получал роскошные и разнообразные яства со стола великого князя, пил изысканные вина и ел, когда хотел, что хотел и сколько хотел, между тем как иноки «мнимого стяжательного монастыря едят, когда им подадут, а не когда хотят, и едят не то, чего хотят, а что им представят; в пост же довольствуются и одним брашном неизвестного качества и количества». «У меня выступают слезы от жалости сердца, — прибавляет Зиновий, — когда я вспоминаю виденных мною мнихов некоторых монастырей, осуждаемых ради деревень Вассианом и Максимом», и описывает, какие страдания переносили эти мнихи, в какой находились бедности, какую грубую и скудную вкушали пищу и в какой жалкой и грязной ходили одежде¹⁰⁴. Слова Зиновия тем более заслуживают веры, что они подтверждаются известным уже нам свидетельством царя Иоанна, который на Стоглавом Соборе осуждал собственно власти

*Земледельческие труды прпп. Зосимы и Германа Соловецких. Миниатюра.
Житие прпп. Зосимы и Савватия Соловецких. Кон. XVI в. Л. 14 об.*

некоторых владетельных монастырей за разные злоупотребления, а иноков называл бедными и терпящими всякую нужду.

Если мы обратимся к иностранцам, посетившим Россию в XVI в. или только писавшим о ней, то и у них найдем отзывы о наших монастырях, хотя беглые и краткие, но большею частью благоприятные. Герберштейн, бывший у нас в 1516 и 1526 гг., говорит: «Они (русские монастыри) имеют весьма строгие законы и правила, которые, впрочем, мало-помалу будучи ослаблены, остаются без действия... Многие удаляются из монастырей в пустыню и там строят себе хижинки, где живут поодиночке или с товарищами; пищу достают себе из земли и с дерев, коренья и плоды. Называются столпниками, потому что имеют тесные помещения на высоких столпах... Главная забота иноков состоит в том, чтобы обращать других людей к своей вере. Монахи-пустынники еще прежде привлекли ко Христу значительную часть идолопоклонников, между которыми долго и усердно сеяли Слово Божие. И ныне отправляются они в разные страны к северу и востоку, достигают туда с величайшими трудами и опасностью жизни и, не ища для себя никакой выгоды, имеют в виду только одно: чтобы сделать угодное Богу, призвать на правый путь и привлечь ко Христу души многих заблудших, причем иногда запечатлевают учение Христово своею смертию». У Павла Ювия, который, впрочем, сам не был в России, а собрал све-

дения о ней от нашего посла Дмитрия Герасимова, приходившего в 1526 г. к папе Клименту, читаем следующее: «Люди, отрeksiиися от мирских удовольствий и посвятившие себя созерцанию вещей Божественных, разделяются (в Московии) на два класса, тот и другой класс живет в монастырях. Но один класс составляют иноки скитающиеся и несколько свободной жизни (разумеются, очевидно, монастыри особные), как у нас францискане и доминикане. А другой класс состоит из монахов более святой жизни, живущих по чину святого Василия (это монастыри общежительные): им не позволяется выходить из обителей даже в случае крайней нужды. Вдали от глаз мирских людей они ведут самую суровую жизнь в своих сокровенных кельях и высоко уважаются как умертвившие свою плоть и утвердившиеся духом в благочестии». Иоанн Фабр, писавший о России со слов наших послов, возвращавшихся в 1524 г. из Испании, передает о наших монахах такие известия: «Все, и монахи и монахини, живут до того благочестиво, что возбуждают к себе не только удивление, но и величайшее уважение. Они не считают своих обетов делом маловажным, и кто поступил в монастырь, тот уже никогда не решится выйти из него и не сложит с себя данного обета»¹⁰⁵. Из иностранцев, бывших в России во 2-й половине XVI в., один (Гваньини) как бы повторяет слова Герберштейна: «Все монахи здесь имеют самые строгие и суровые законы и правила, и им не дозволяется никакого рода развлечение и удовольствие; многие из них удаляются из монастырей в пустыню и там проводят жизнь в тесных хижинах одиноко или с товарищами, питаются корнями дерев и разными плодами земли». Другой (Кобенцель) говорит: «Все эти монахи (Троице-Сергиева монастыря) принадлежат к ордену святого Василия и живут благочестиво и примерно, равно как и иноки других монастырей; а монастыри здесь весьма часты, так что на пространстве двух или трех миль всегда встретишь монастырь». Третий (Антоний Поссевин) делает общее замечание, что «русские монастыри далеко отстоят по благочинию и строгости от наших», т. е. римско-католических. Наконец, четвертый (Флетчер), пишет, что число монахов в России гораздо более, нежели в какой-либо папистической стране; что многие в России идут в монастыри не только вследствие господствующего суеверия, но и с целью найти в них спокойствие и безопасность от притеснений и преследований, каким подвергается народ; что много в России и женских монастырей, и есть между ними такие, которые принимают только вдов и дочерей знати, когда царь, желая прекращения их рода, возбраняет им вступать в брак, и что о лицемерии и нечистой жизни монахинь нет нужды и говорить, так как сами русские выражаются о том крайне неблагоприятно¹⁰⁶. Очевидно, что все приведенные нами отзывы иностранцев о наших монастырях не прибавляют почти ничего к тому, что гораздо подробнее известно нам из наших домашних свидетельств.